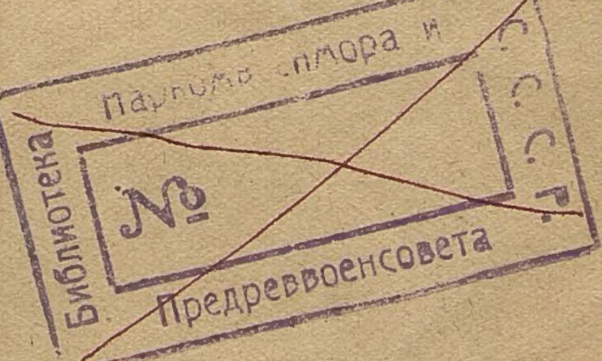
БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

А. БУЙСКИЙ

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1·9·2·7

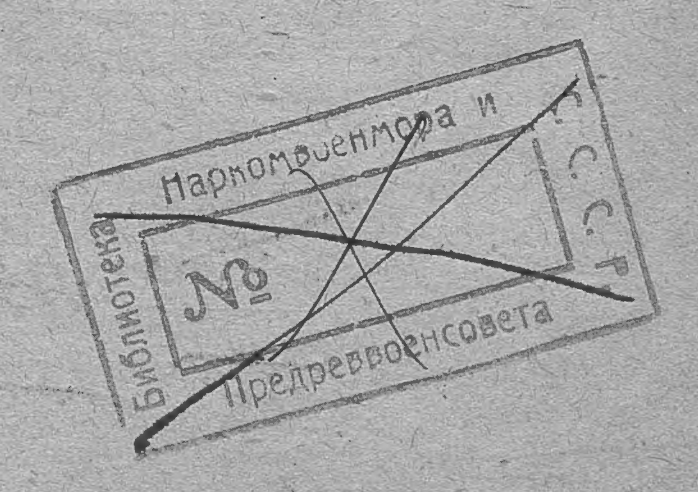
СССР ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

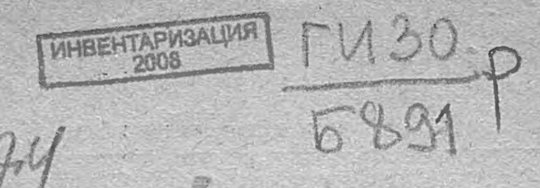
А. БУЙСКИЙ

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ

С 6 РИСУНКАМИ

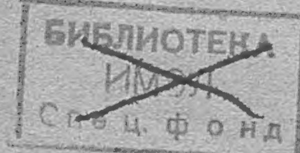
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Как шли события от февраля до октября	3
Восстание 1905 года и военные уроки	13
Подготовка вооруженных сил революции	23
Красная гвардия	—
Старая армия	42
Военная работа партии большевиков	59
Подготовка к восстанию и его осуществление	78

Главлит № А—2241. Гиз № 23919. Тираж 25000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

КАК ШЛИ СОБЫТИЯ ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ.

(Календарь событий.)

Изложить все события между февралем и октябрем, т. е. рассказать на нескольких страницах всю историю Февральской революции, невозможно. Но, рассказывая о том, как пролетариат и революционная часть крестьянства готовили для захвата власти революционные вооруженные силы, невозможно также обойтись без ссылки на эти события. Поэтому, чтобы дальше не отвлекаться от прямой цели рассказа и в то же время связать этот рассказ со всей обстановкой того времени, напомним важнейшие из этих событий, изложив их в порядке времени.

22—27 февраля (7—12 марта). В Петрограде начались забастовки и демонстрации, закончившиеся восстанием. При попытках царского правительства удушить восстание, питерский гарнизон перешел на сторону восставших. Посланные царем из ставки на подмогу правительству части тоже отказались

выступить против восставших. Старая власть была таким образом свергнута.

27 февраля (12 марта). Образование в Петрограде совета рабочих депутатов, явившегося в эти дни единственной революционной властью в столице. Вся сила восставших была на его стороне, поэтому совет мог бы беспрепятственно объявить себя и государственной властью. Но так как к революции сразу же примкнули *огромные массы мелкой буржуазии* [1]), то большинство в совете получили меньшевики и эсеры [2]), которые и повели революционное движение по ложному пути. Они объявили, что пролетариат не подготовлен к принятию и удержанию власти, и передали государственную власть в руки буржуазии.

---

[1]) Мелкая буржуазия — класс мелких собственников (ремесленники, кулаки, мелкие торговцы), действующий в революции обычно сначала вместе с пролетариатом. Добившись выполнения своих требований, которые не идут так далеко, как политические требования пролетариата, мелкая буржуазия обычно отстает от революции и становится контрреволюционной.

[2]) После революции 1905 г. меньшевики, отрицая совершенно революционное значение крестьянства, заявляли, что главный двигатель революции — „либеральная буржуазия", которой пролетариат должен только помогать. После того как напуганное 1905 годом правительство пошло на уступки и объявило о созыве Государственной думы, меньшевики объявили, что революция кончена, что теперь надо только подталкивать буржуазию, что теперь совершенно нет нужды в подпольной партии, что ее надо распустить, выбросить из программы революционную часть и действовать открыто через Государственную думу и другие учреждения,

1 (14) марта. Образование солдатской секции (отдела) при Петроградском совете, который таким образом явился *советом рабочих и солдатских депутатов.*

2 (15) марта. Отречение от престола Николая II. Образование буржуазного Временного правительства во главе с князем Львовым, крупнейшим русским помещиком и при участии одного социалиста, эсера А. Ф. Керенского.

14 (27) марта. Питерским советом выпущено обращение к пролетариату всех воюющих народов, в котором указывалось, что революционный русский народ ведет войну не для захватов, а за свободу, и заключит мир без «аннексий и контрибуций» [1]), призывая в то же время пролетариат всех стран бороться с захватнической политикой своих правительств.

3 (16) апреля. Возвращение т. Ленина из Швейцарии, где он проживал после ссылки. Так как царские союзники, в согласии с Временным правительством, не пропускали его в Россию, то т. Ленину и его группе пришлось ехать через Германию. Это послужило источником целого моря клеветы со стороны буржуазии против Ленина и большевиков.

---

[1]) А н н е к с и я — насильственное отобрание одним государством земли у другого при помощи п р я м о й силы. К о н т р и б у ц и я — счет победителей, оплачиваемый побежденной страной. Контрибуции исчисляются обыкновенно по расходам, сделанным победителем, с прибавлением грабительских процентов.

4 (17) апреля. Выступление т. Ленина на широком собрании большевиков и меньшевиков с докладом о задачах пролетариата и русской революции, в котором Владимир Ильич заявил, что *государственная власть должна перейти к советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов.*

18 апреля (1 мая). Буржуазия, почувствовавшая себя прочно за спиной соглашателей, решила открыто проводить свою классовую внешнюю политику, т. е. политику захватов. Не обращая внимания на воззвание совета от 14 (27) марта, министр иностранных дел Временного правительства Милюков [1]) заявил царским союзникам, что Россия признает все обязательства, заключенные царем с шайкой иностранных захватчиков, и будет воевать вплоть «до полной победы».

20—22 апреля (3—5 мая). Пролетариат и гарнизон Питера выступили многочисленными демонстрациями протеста против ноты (заявления) Милюкова и с требованием отставки министров-капиталистов. На Невском,

---

[1]) Милюков П. Н. — профессор и крупный писатель по общественным вопросам, главный лидер (руководитель) и организатор партии кадетов (конституционно-демократической). После Октябрьской революции живет в Париже, издавая противосоветскую газету „Последние новости", сторонник вооруженного вмешательства капиталистических стран в дела Советского государства,

провокаторы [1]) открыли стрельбу по толпе, почему произошли столкновения между рабочими и солдатскими колоннами, с одной стороны, и буржуазно-офицерскими и студенческими—с другой. Произошли свалки, были убитые и раненые.

27 апреля (10 мая). Милюков и военный министр Временного правительства Гучков [2]), благодаря протесту пролетариата, 22 апреля вышли в отставку. Военным министром назначен Керенский, министром иностранных дел—Терещенко, крупнейший заводчик.

3 (16) мая. Начались работы съезда «делегатов фронта», которые происходили под влиянием соглашателей.

6 (19) мая. Буржуазия, убедившись в апрельские дни, что сможет удержать власть, только прикрывшись соглашателями, потянула меньшевиков и эсеров в правительство. В силу этого было образовано *коалиционное* (соединенное) правительство. В компанию капиталистов вошли Чернов, Церетели, Скобелев и прочие социалисты. Вхождением в правительство соглашатели обязывались нести

---

[1]) Провокатор—подстрекатель, науськиватель, подбивающий отдельных лиц, толпу или целую организацию на выступления или столкновения для того, чтобы из этого получили выгоду те, кому провокатор служит.

[2]) Гучков А. И.—крупный капиталист, член Государственной думы всех созывов, организатор и лидер монархической партии октябристов, сторонник восстановления Романовых на престоле.

ответственность за все мероприятия буржуазного правительства и поддерживать буржуазию. Партия большевиков и сознательный пролетариат Питера и других городов протестовали против вхождения социалистов в правительство, указывая, что они прикрывают буржуазию, защищая ее.

3 (16) июня. Открытие I Всероссийского съезда советов, который прошел под руководством соглашателей и избрал соглашательский Центральный исполнительный комитет.

18 июня (1 июля). При поддержке соглашателей буржуазия начала готовить наступление на фронте, в согласии с западными капиталистами. Вопреки нежеланию масс воевать, вопреки демонстрациям против войны и предостережениям большевиков, что наступление будет излишним кровопролитием, вопреки, наконец, обращению к народам всего мира от 14 (27) марта, по приказу Керенского 18 июня на Юго-западном и Румынском фронтах началось наступление, которое развернулось удачно, но закончилось полным разгромом русских армий.

6 (19) июля. Вину за неудачу наступления на фронте буржуазия и соглашатели постарались свалить на большевиков. Поэтому, подтянув к Питеру «надежные» части с фронта, они стали провоцировать рабочих на вооруженное выступление, с тем чтобы, восполь-

зовавшись этим, разгромить и партию и революционный пролетариат. Несмотря на призывы большевиков не поддаваться провокации рабочие и солдаты вышли на улицу с требованием передачи власти советам. Организованные буржуазией отряды казаков, офицеров, студентов встретили демонстрантов оружием. Произошли столкновения. Вина за это, как предполагали и указывали большевики, была взвалена на рабочих и на большевиков. Начались аресты большевиков, рабочих, матросов. Были разгромлены партийный комитет и типография газеты «Правда». Тт. Троцкий, Каменев, Коллонтай, Луначарский, Раскольников, Мехоношин и многие другие были рассажены по тюрьмам, а т. Ленин принужден был перейти на нелегальное положение [1]).

8 (21) июля. Образовалось новое коалиционное правительство во главе с Керенским. Керенский на деле получил неограниченные полномочия, вплоть до права единолично назначать министров.

16—17 (23—30) июля. Совещание в ставке верховного главнокомандующего главнокомандующих фронтами и командующих армиями под председательством Керенского

---

[1]) **Нелегальный** — тайный, неразрешенный существующими законами, в противоположность легальному — законному. Перейти на нелегальное положение — вести работу тайно в подполье.

и при участии буржуазных членов Временного правительства. Генералы, докладывая о развале фронта, резко выступали против советов, против военных комиссаров и воинских комитетов и требовали восстановления смертной казни в тылу и на фронте. Керенский обещал выполнить их требования.

26 июля—3 августа (8—16 августа). Работы VI съезда российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), на котором было признано, что единственным средством перехода власти к советам является вооруженное восстание. Постановлено вести повсеместно подготовку к нему. Благодаря этому усилилась работа большевистских организаций среди армии.

12—14 (25—27) августа. Открытие Государственного совещания в Москве, которое было созвано в противовес советам для того, чтобы дать высказаться тем группам и слоям населения, которые по своему положению не могли быть представленными в советах, т. е. главным образом буржуазии и примыкающим к ней. Разгромив большевиков в июльские дни, буржуазия теперь не удовлетворялась и соглашателями и мечтала о военной диктатуре [1]). Московское совещание, на котором большинство было у буржуазии, явилось на-

---

1) Диктатура — твердая, неограниченная власть лица, группы лиц или класса, снабженного неограниченными полномочиями.

стоящим контрреволюционным сговором, причем на нем же был намечен и будущий диктатор—верховный главнокомандующий генерал Корнилов. Пролетариат обеих столиц ответил на Московское совещание всеобщей забастовкой.

16 (29) августа. Взятие немцами Риги.

24 августа (7 сентября). Намеченный в диктаторы генерал Корнилов предъявил Временному правительству ультиматум (требование) о передаче ему всей власти и двинул в Питер казачьи и туземные части. Командующему этими частями генералу Крымову был дан наказ: 1) разогнать советы, 2) разоружить питерский гарнизон и рабочих. Отрешенный по телеграфу от должности, Корнилов обратился к фронту и населению с воззванием, предлагая помочь ему «искоренить смуту». Питерский гарнизон и Красная гвардия в полном составе вышли на защиту столицы. Но корниловские части, встречаемые по пути рабочими и солдатскими делегациями, сами поняли, на что толкает их мятежный генерал, и отказались исполнять его распоряжения. Генерал Крымов застрелился.

31 августа (13 сентября). Во время выборов в советы и думы большевики всюду получали большинство. В этом чрезвычайно резко выразился отход масс от соглашателей. 31 августа Питерским советом была принята

первая резолюция, предложенная большевиками.

1 (14) сентября. Арест Корнилова и примкнувших к нему генералов. Назначение Керенского верховным главнокомандующим.

23 сентября (6 октября). Избрание Троцкого председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

24 октября (6 ноября). Стягивание Временным правительством верных ему войск—юнкеров, ударников—к Зимнему дворцу. Бегство Керенского из Петрограда.

25 октября (7 ноября). Открытие II Съезда советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Штурм Зимнего дворца и арест членов Временного правительства. Съезд советов объявил себя государственной властью в стране и избрал Совет народных комиссаров.

ВОССТАНИЯ 1905 Г. И ИХ ВОЕННЫЕ УРОКИ.

Неудачная для царского правительства Русско-японская война и кабальные договоры, заключенные в связи с нею царем с иностранными капиталистами, вызвали застой в промышленности и в сельском хозяйстве, дороговизну жизни и т. д. Следствием этого явилось общее недовольство, рабочие стачки, крестьянские аграрные волнения, сопровождавшиеся разгромом помещичьих имений, волнения в войсках, в учебных заведениях и т. п. Все это прокатилось бурной волной от края до края царской империи и выросло к 1905 г. в сильное революционное движение.

Царское правительство ответило на это усилением полицейско-жандармского гнета, военно-полевыми судами, еврейскими и прочими погромами, плетями, арестами, виселицами, ссылками, расстрелами. Царские палачи, озверевшие, полупьяные, не разбиравшие ни правых, ни виноватых, ни пола, ни возроста, в крови топили первые проблески зарождавшейся русской свободы. Единственным средством борьбы с кровавым произволом и вме-

сте с тем средством завоевания свободы являлось всеобщее вооруженное восстание против царя и самодержавного строя, породивших этот произвол. И вожди пролетариата, а в первую очередь большевики, понимали неизбежность и необходимость этого восстания. Тов. Ленин еще в январе 1905 года, вскоре после «кровавого воскресенья» [1]) говорил:

«Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений—вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться все и всякие революционеры. Необходимость восстания признал также и III Съезд российской социал-демократической рабочей партии [2]).

Во исполнение этого общепартийного постановления и несмотря на колебания мень-

---

1) „Кровавое воскресенье“ — день 9 января 1905 г., когда вопреки предостережениям большевиков огромная мирная демонстрация питерских рабочих под предводительством попа Гапона направилась к Зимнему дворцу с тем, чтобы заявить царю о своих нуждах. Войска по приказу „царя-батюшки“ встретили рабочих залпами, а потом взяли побежавшую толпу в шашки. Этот день вырвал из рядов питерского пролетариата больше 1 000 человек убитыми, но зато навсегда покончил с надеждами рабочих добиться улучшения своего положения мирным путем.

2) III съезд РСДРП — являвшейся в то время единой, т. е. объединявшей одним центральным комитетом и большевиков и меньшевиков, происходил в Лондоне, в мае 1905 г. Он глубже выявил разногласия по вопросу о революции между меньшевиками и большевиками. Вопреки утверждениям меньшевиков (см. примечание 2 на стр. 4), большевики говорили, что главный двигатель революции — пролетариат и крестьянство,

шевиков и эсеров, уже тогда тянувших к соглашению с буржуазией, началась повсеместная работа по созданию боевых рабочих дружин. Дружины начали прежде всего формироваться в районах с сильно развитой промышленностью, где было большое скопление фабрично-заводского пролетариата. Следствием такой работы явились вспышки вооруженных восстаний в разных местностях царской империи, особенно сильные на Кавказе и в Прибалтийских губерниях, т. е. в нынешних Латвии и Эстонии.

Боевые дружины того времени иногда успешно действовали не только против полиции, но и против регулярных царских войск и не только в обороне, но и в нападении. Они выработали даже свою тактику борьбы, приближавшуюся к партизанским действиям [1]). Бойцы этих дружин отличались

в особенности пролетариат, который поведет за собой и крестьянство, что буржуазия при первых уступках со стороны правительства, предаст и пролетариат и революцию. На Лондонском съезде эти взгляды большевиков получили полное подтверждение, и меньшевики со съезда ушли. Без них съездом была принята программа по земельному вопросу, устанавливавшая национализацию земли и конфискацию помещичьих имений; без них же была признана необходимость организации пролетариата для вооруженного восстания.

[1]) Партизанские действия или малая война— действия небольшими самостоятельными от армии отрядами, имеющими целью вредить противнику в его тылах, например разрушать мосты, портить дороги, захватывать обозы, провиант, уничтожать мелкие партии противника и т. д. Подробнее о действиях партизан можно прочитать в книжке Воронкова и Морозова, Как действуют партизаны, из серии „Библиотека красноармейца“, изд. Гиза, 1927 г.

смелостью, предприимчивостью, готовностью жертвовать своей жизнью для общего дела. Революционный боевой порыв пролетариата, выделявшего из своей среды эти дружины, подчас перерастал революционность самих вождей рабочего движения, в особенности если это были меньшевики. Пока те совещались, а потом выносили нерешительные резолюции, дружины открывали военные действия, и руководителям уже потом приходилось волей-неволей скреплять это своими постановлениями. В этом была сила и слабость первых боевых отрядов революции. Слабостью это было потому, что, возникая почти стихийно (бессознательно, само собой), рабочие дружины начинали действовать немедленно по возникновении, не подготовляя себе предварительно успеха со всех сторон. Выступления в каком-либо районе не согласовывались с выступлениями в другом. Сами дружины, действовавшие в одном районе, сплошь и рядом не имели никакой связи одна с другой.

К этим недостаткам деятельности нужно прибавить, что в дружинах была большая нехватка оружия. Само оружие было ненадежным (револьверы, охотничьи ружья). Опытных военных руководителей не было. Учиться владеть оружием и готовиться к выступлениям нужно было в глубокой тайне, в одиночку, не привыкая таким образом,

к совместным действиям. Эти недостатки, в особенности разрозненность действий и отсутствие единого руководства, сильно ослабляли боевую ценность дружин, так что больших успехов им достигать не удавалось. Царские войска в большинстве случаев легко разбивали и рассеивали революционные отряды, а потом жестоко расправлялись со взятыми в плен.

Все эти сильные и слабые стороны восстаний особенно ясно обнаружились во время вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 года.

Восстание предполагалось начать в Петербурге в связи с арестом всего состава Питерского совета рабочих депутатов [1]). Но в Петербурге начать его не удалось. Московский совет после манифеста Питерского совета, призывавшего к вооруженному восстанию, постановил начать общую стачку, причем в этом же постановлении указывалось, что нужно стремиться эту стачку превратить в вооружен-

---

[1]) Первый совет рабочих депутатов был образован в Питере 13 октября 1905 г., т. е. за несколько дней до объявления манифеста о свободах. Этот манифест был уступкой царя, напуганного революцией. Он удовлетворил буржуазию и примыкавшие к ней слои интеллигенции, и буржуазия начала отходить от революции. Когда правительство поняло, что рабочие в борьбе остались одни, оно немедленно начало отбирать все, что было дано под влиянием страха. Все свободы на деле были отменены, все свободные учреждения разогнаны, а Питерскому совету было предъявлено обвинение в насильственном посягательстве на изменение установленного в России образа правления.

женное восстание. Это постановление было вынесено наспех, без подготовки и соответствующей мобилизации вооруженных сил пролетариата, без выработки определенного плана военных действий, без образования общего штаба, который бы руководил действиями отдельных дружин, без связи с остальными рабочими центрами. Поэтому, несмотря на то, что вооруженные силы московского пролетариата были довольно значительными (около 2000 человек), попытка восстания была заранее обречена на неуспех. Москва оказалась оторванной от других центров, где в это время продолжало быть сравнительно спокойно. А так как в довершение всего не удалось перервать движение по Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороге, то над повстанцами нависла угроза со стороны Питера, который быстро мог перебросить свои войска в помощь московскому гарнизону.

Однако, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, боевые дружины, начав восстание, правильно поняли особенности уличного боя и боя с регулярными частями. Маленькими кучками в 3-5 человек, скрывая оружие под одеждой, пользуясь заборами, зданиями или наспех устроенными из подручного материала укрытиями (баррикадами), они удачно обстреливали воинские части, наносили им потери, а иногда и обращали в бегство. Попав под огонь такой кучки смель-

чаков, войсковая часть (рота, эскадрон) разворачивалась по всем правилам полевого устава, начинала правильный обстрел баррикады, иногда не только ружейным, но и артиллерийским огнем, двигалась к ней перебежками, но заняв прикрытие, кроме кучи дров, бочек, сломанного забора, ничего не находила. Сами дружинники, пользуясь кривыми московскими переулками и проходными дворами, исчезали бесследно и жалили усмирителей откуда-нибудь с другой стороны. Во всех случаях дружинникам весьма деятельно помогало рабочее население. Оно, когда это требовалось, прятало их, снабжало продовольствием, следило за движениями войск, укрывало раненых и т. д.

Была точно так же правильно понята восставшими и необходимость политической работы среди правительственных войск. И политработа, вернее—политобработка солдат, началась вместе с восстанием. Всегда вступая в бой с казаками, наиболее усердными в то время слугами самодержавия, и с драгунами, которых начальство водило в бой не иначе, как напоив или пообещав щедрые награды, с пехотой дружинники всегда старались вступить в переговоры. Старались действовать на солдат товарищеским словом, разъяснять задачи восстания. И в большинстве случаев солдаты, если не были пьяными или заранее подвинченными своим офицерством,

охотно шли на разговоры, легко поддавались убеждениям. Это дало свои плоды. Части московского гарнизона заколебались в своей преданности «престолу и отечеству» и оказались явно ненадежными. Ненадежность гарнизона и неуловимость дружинников, а также ежедневные потери в войсках, верных правительству, так напугали московского генерал-губернатора Дубасова, что он приказал открывать артиллерийский огонь по каждой кучке людей, не разбирая, кто это такие, и слал царю телеграмму за телеграммой о помощи.

В ответ на это из Питера были, наконец, двинуты гвардейские части. Они поддержали московский гарнизон и повели правильное наступление на восставшие районы, охватывая их плотным кольцом. С этого момента восстание быстро пошло на убыль, а 17 декабря после двухдневного артиллерийского обстрела был занят главный очаг восстания— Пресненский район, где дружинники перегородили баррикадами все улицы.

Декабрьское восстание кончилось, было залито кровью, но из него и из других восстаний того времени революционный пролетариат, вопервых, вывел кадр испытанных боевиков, которые через 12 лет составили прочное ядро рабочей Красной гвардии, а вовторых, получил весьма полезные уроки. Эти уроки были не только политическими, но и

военными, касающимися организации восстания, руководства им, способов ведения, а в особенности привлечения на свою сторону войск.

Каковы же были военные уроки?

Первый урок заключался в том, что раз восстание начато, то уже нет места колебаниям и оборонительным действиям; что нужно сразу наступать, не давая врагу справляться с силами и сосредотачивать в важнейших местах свои силы и средства.

Второй урок—в том, что раз в революционных массах зреет сознание необходимости восстания, то нельзя дожидаться, когда это восстание вспыхнет стихийно и потянет за собой вождей, а не вожди поведут восстание; что нужно немедленное установление военного руководства восставшими в лице революционного штаба, который разработает план, иначе восстание начнет развиваться вразброд и не будет иметь успеха, несмотря на высокий революционный порыв бойцов.

Третий урок—в том, что для привлечения правительственных войск на свою сторону недостаточно одних только разговоров и убеждений, а нужно что-то другое. Политическая работа, т. е. работа по созданию революционных ячеек в частях царской армии, началась вместе с работой по созданию боевых дружин на фабриках и заводах. Но с чем шла социал-

демократическая партия к солдатским массам, которые были в большинстве крестьянскими?

Солдатам говорилось главным образом о тяжести их положения, о произволе офицеров, о необходимости требовать вежливого обращения, отмены телесных наказаний, цензуры (просмотра) солдатских писем, об улучшении питания, помещения и т. д. Но солдатская служба—дело временное, и если положение солдата царской армии было на самом деле бесправным во всех отношениях, то солдат имел некоторое утешение в том, что это бесправие длится три-четыре года. По окончании военной службы солдат оставлял вместе с казармой и все свое солдатское бесправие и превращался в крестьянина. А вот солдату как крестьянину, речи социал-демократических агитаторов почти ничего не давали, не заставляли ждать от революции решения больных крестьянских вопросов. Да иначе и быть не могло, потому что и сама крестьянская масса не была подготовлена к пониманию и усвоению политических лозунгов. Поэтому, хотя политическая работа и имела иногда в царской казарме большой успех и вызывала солдатские волнения и даже бунты, для царского режима все это большой опасности не представляло. Начальство или расправлялось с солдатскими бунтами, или утихомиривало волнения временным улучшением солдатского положения, кое-ка-

кими льготами, денежными наградами и т. п. И только потом, спустя 12 лет, когда огромная мобилизованная крестьянская масса была всколыхнута большевистскими лозунгами о земле, которую можно получить благодаря восстанию, о великих правах крестьянина в будущем рабоче-крестьянском государстве, тогда дело пошло иначе. Тогда те же гвардейские части, которые составляли опору царского трона, пошли вместе с рабочими дружинами на штурм последней крепости буржуазно-помещичьего строя—на Зимний дворец, а затем героически вынесли на своих плечах всю тяжесть гражданской войны.

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ.

Красная гвардия.

Все эти уроки 1905 года были учтены в 1917 году, когда в феврале, при первых же шагах революции пролетариат поспешил запастись оружием.

«Помогите вооружению рабочих, или хотя не мешайте этому делу»,—писал т. Ленин в первые дни Февральской революции в своих «Письмах издалека» [1]). Но еще прежде чем

---

[1]) „Письма издалека" написаны Лениным из Швейцарии при первых известиях о русской Февральской революции, когда т. Ленина не пускали в Россию.

дошли эти советы, прежде чем партия большевиков, учитывая опыт 1905 г., создала свою военную организацию для руководства вооружением пролетариата и работой в царской армии, рабочие, вспомнив опыт московского восстания, прежде всего завладели оружием.

Тяга к вооружению была так сильна, что не только без помощи советов, но и против их воли рабочие питерских, а потом московских и прочих фабрик забирали оружие, где могли. И не успело буржуазное правительство и соглашательский совет оглянуться, как значительное количество рабочих было вооружено и объединено в боевые дружины. Эти дружины назывались то «Рабочей гвардией», то «Рабочей красной армией», пока за ними не установилось прочно почетное название «Красная гвардия». Первоначально отрядами Красной гвардии обзавелся Питер (прежде всего—Выборгский и Нарвский фабричные районы), потом Москва, где еще живы были картины восстания 1905 г., затем города Донецкого бассейна, Украины, Урала и т. д.

Отряды Красной гвардии укомплектовывались добровольцами-рабочими, которые обычно собирались около нескольких ветеранов-боевиков 1905 г., помнивших ленинские заветы о вооружении рабочего класса и поднимавших у себя на заводе или на фабрике вопрос о создании своей собственной вооору-

женной силы. Эта сила, как теперь, так и дальше в гражданской войне, так и продолжала комплектоваться «позаводно». Такое комплектование сильно развивало чувство взаимной выручки, сильнейшую товарищескую спайку на классовой основе. Только благодаря этой высоко развитой классовой спайке, которая заменяла недостаток военной науки и дисциплины, и могли впоследствии происходить такие случаи, когда красногвардейцы на Украине, на Дону, не имея командиров, сами, без всякой команды, поднимались и шли в атаку и выкуривали белых из их гнезд со всей стремительностью и развитой на заводской работе находчивостью. Но вместе с тем такое «позаводное» комплектование имело и свои крупные недостатки, особенно сказавшиеся в гражданской войне. Такие заводские отряды было трудно, почти невозможно, свести в определенные войсковые единицы. Невозможно было, например, красногвардейскую часть, сформированную на одном заводе, пополнить красногвардейцами с других заводов. Каждая часть укомплектовывалась своим заводом и, понеся на фронте потери, уходила для пополнения к себе же на завод. Таким образом, трудно было провести в Красной гвардии единую военную организацию и трудно было учесть точно красногвардейские вооруженные силы.

Фабрично-заводские дружины назывались ротами, сотнями, дружинами, но численность одноименных единиц была весьма разнообразна. Были роты по 200 человек, а были и по 20. Все зависело от того, сколько мог выделить тот или иной завод в свою боевую дружину и на сколько бойцов хватало оружия. Эти недостатки формирования, как уже сказано, не изжились и впоследствии, когда формирование Красной гвардии вышло из периода кустарничества и стало одной из главных забот партии и ее военной организации. Только на крупных фабрично-заводских предприятиях несколько рот иногда сводились в батальоны, при которых формировались команды связи, пулеметная, санитарная, продовольственная части и т. д. Но и батальоны были тоже разной численности, и само это название, ясно говорящее военному человеку, тут не говорило почти ничего. Что же касается мелких и средних заводских военных ячеек, то они носили неопределенное название—*отряды*, причем отряды эти могли быть и в 100 и в 200 и более бойцов, но могли быть и в 50, и в 30, и даже менее. Да это название по своей неопределенности подходило и ко всем прочим частям Красной гвардии, до батальонов и полков включительно.

Красногвардейские отряды зарождались таким образом в самой гуще рабочих масс, возникали, как грибы после дождя. Тут был

своего рода спорт, соревнование. Пример одного завода увлекал другой, причем, хотя и было принято, что красногвардейские части комплектуются добровольцами, но этих добровольцев было всегда такое множество, что на некоторых заводах в Красную гвардию назначали после голосования на общем собрании. Лишь после разбора всех достоинств и недостатков кандидата, его товарищи приходили к выводу, что Петров или Сидоров «не подгадит», «постоит за рабочее дело», а Федоров «слабоват». После этого желающий направлялся в заводскую дружину, где, счастливый и довольный, получал винтовку.

Сила классовой спайки приэтом была такова, что даже рабочие меньшевики, эсеры, и беспартийные стремились попасть в боевые дружины и честно и исправно несли в них службу, несмотря на то, что их товарищи по партии в советах на все голоса вопили о необходимости разоружить рабочих и расформировать Красную гвардию. Да и вообще надо сказать, что первые формирования Красной гвардии как в Питере, так и в Москве шли, как говорится, «самотеком», без толчков и побуждений со стороны партии или, вернее, по толчку, данному партией большевиков и т. Лениным еще в 1905 г. и благодаря классовому чутью пролетариата. Были такие районы, где партия, например, долгое время была в стороне от деятельности фабрично-

заводского пролетариата по формированию дружин: не было сил охватить все. Но тем не менее все боевые дружины как первых формирований, так и позднейших неизменно прилеплялись к партии, хотя далеко не все их члены были партийными: партийных было часто меньшинство—5-6 человек на всю дружину. Да это и было понятно, потому что не только буржуазия, но и соглашатели всех мастей всячески препятствовали организации Красной гвардии, всячески стремились к ее уничтожению, не останавливаясь даже пред провокацией. На красногвардейцев сплошь и рядом пытались взваливать и бандитские нападения на прохожих, которые производились уголовниками, и разгромы магазинов во время апрельских и июльских демонстраций, и всю вину за беспорядочную стрельбу, которая иногда по ночам велась на улицах провокаторами, и т. д. Пытались даже натравливать фронт на тыл, т. е. солдат на рабочих. Буржуазные, а иногда и соглашательские газеты внушали солдатам, что рабочие вооружаются только для того, чтобы прикрыть свое «лодырничанье», что большевики вооружают их «на немецкие деньги» и т. д. Таким образом над классовым чувством пролетариата, тянувшегося к вооружению, жестоко надругались, а потому немудрено, что рабочие шли к большевикам, которые одни поддерживали их стремления к вооружению и которые одни

доказывали, что власть придется брать с оружием в руках. Поэтому сплошь и рядом рабочий-меньшевик после своего партийного собрания, наслушавшись соглашательских речей о необходимости поддерживать буржуазию, затем шел со своими товарищами по дружине в большевистский районный комитет и здесь обучался военному делу и получал советы насчет того, как и в каком строю действовать, когда придется с этой самой буржуазией драться. Поэтому военная организация партии вела учет красногвардейских частей без разделения их «на наших» и «не наших», а учитывала всех, кого ей удавалось поймать на учет, зарегистрировать и обслужить своими инструкторами, в которых была большая нехватка.

Комплектование Красной гвардии добровольцами могло бы говорить, конечно, о том, что только отдельные лица и группы пролетариата шли за большевиками. Но на деле приходилось говорить не о добровольцах, не об одиночках рабочих, а вроде как бы о красногвардейской повинности, которой как бы обложил себя пролетариат обеих столиц, в особенности Питера.

Служба красногвардейцев, особенно в последние дни пред октябрем и в октябрьские дни, была нелегкая. Приходилось по целым суткам простаивать в караулах около районных комитетов, комендатур, партийных редак-

ний и типографий, вокзалов, важных складов, вместе с солдатами, а то и вместо солдат,—потому что солдаты совершенно распустились. Приходилось постоянно принимать участие в ловле уголовников, провокаторов,

В Октябрьские дни.

так как общегородская милиция, составленная из гимназистов, студентов, чиновников, лавочников, попросту трусила браться за такие дела. В первые же дни Октябрьского восстания она и вовсе разбежалась, оставив огромный город совсем без охраны и дав полную волю

уголовникам [1]). Красногвардейцы иногда просто с ног валились от усталости и, конечно, сильно утомлялись своей службой. Поэтому в первые же месяцы формирования Красной гвардии встал вопрос об установлении каких-либо сроков пребывания рабочих в своих отрядах. Тогда сами рабочие на своих собраниях решили установить смену для своих товарищей в боевых дружинах. Такая смена имела еще и ту пользу, что благодаря ей не одиночки, а весь пролетариат проходил боевую службу, все рабочие, мало-помалу обучались владеть оружием. Таким образом, от добровольчества одиночного, пролетариат перешел к добровольчеству общественному (коллективному), а сами красногвардейские

---

[1]) Особенно много пришлось красногвардейцам потратить сил по прекращению „пьяного бунта" в первые дни Октябрьской революции в Питере. Это был собственно не бунт, а поголовное пьянство. Толпы громил разбивали винные погреба и расхищали вино, и большей частью напивались и валились тут же. К громилам примыкала толпа, матросы, солдаты. Все это напиваясь, переходило от погреба к погребу. Так добрались до царских погребов. Здесь под веселым лозунгом „допьем романовские остатки" пьянство шло несколько дней, причем спивались все—матросы, солдаты целыми полками, толпа. Пробовали заколачивать, замуровывать погреба, толпа проникала сквозь окна, выламывала решетки. Часовые и караульные напивались первые. Преображенский полк, неся службу у погребов, спился окончательно, и пьяные солдаты палили из винтовок куда попало. Посылали броневики разгонять толпу,—через некоторое время команда их уже не в состоянии была управлять машинами. Пробовали заливать погреба водой,—пожарные во время работ напивались сами и бросали инструменты. Лишь огромными усилиями и крутыми мерами удалось побороть этот общий пьяный угар.

роты, дружины, сотни, находящиеся под ружьем, являлись как бы дежурными частями всего пролетариата. Кончала наряд дежурная часть, становилась к станкам, а на ее место от станков поднималась дежурная смена. Тут же около машин и верстаков происходила и передача оружия очередному наряду. Впоследствии, когда наладилась связь с гарнизоном и когда вообще оружия стало больше, заводские мастерские превратились в лагеря. В углах—кучи винтовок, на подоконниках—цинки с патронами. Слесаря, токаря стоят у верстаков с подсумками у пояса. За час или за несколько минут до смены являлись командиры отделений, или, попросту,—десятники, указывая смене, кто куда назначен. А затем—гудок, и каждый в одиночку или в группе отправлялся на свое место сменять товарища или обучаться военному делу.

Оружие — винтовку, револьвер любили, как предмет, о приобретении которого мечтали всю жизнь. Ухаживали за ним, чистили, смахивали пыль. Особенным вниманием пользовались пулеметы, которых в первое время было очень немного и которые хранили, как зеницу ока. Правда, судя по рассказам старых красногвардейцев, хранили от своих еще больше, чем от врагов, потому что, если пулемет попадал на фабрику или завод, то каждый хотел посмотреть, пощупать «машину», о которой ходило столько разных рассказов,

а при случае и подсесть к ней с отверткой, чтобы «дойти до самой сути» механизма.

Оружия далеко не хватало по числу желающих, потому что прилив его был случайным. В первые дни февраля некоторое количество оружия—винтовок, револьверов и даже пулеметов—досталось рабочим при разоружении городовых, жандармов, стражников и т. д., а также от солдат, которые братались с рабочими, из полицейских участков, из некоторых складов, охрана которых разбежалась, и т. д. Чтобы запастись оружием, рабочие записывались в общегородскую милицию, покупали оружие вскладчину в магазинах, у дезертиров с фронта. Но правительство при поддержке соглашательских советов быстро прекратило такое растаскивание оружия рабочими и даже воспретило частным магазинам торговлю всяким оружием, напоминающим боевое. Даже то оружие, которое уже оказалось в руках рабочих, и то было под постоянной угрозой «изъятия». «Разоружить рабочих»—это было лозунгом дня не только для буржуазии, но и для соглашателей. Министр-социалист Церетели несколько раз заявлял, что «нельзя оставлять в руках рабочих те слишком большие технические средства, винтовки и пулеметы, которыми они обладают». Для облегчения разоружения пытались натравливать даже

фронт на рабочих, внушая солдатам, что рабочие забрали оружие для того, чтобы охранять свое бездельничанье. Помощник военного министра генерал Маниковский на съезде делегатов фронта, когда ему заявляли, что на позициях не хватает винтовок и пулеметов, прямо говорил:

— Мы знаем, что у вас нехватка... Но посмотрите, сколько винтовок и патронов растащено рабочими и здесь и в других городах. Для чего им оружие? Отберите его у них, и фронт не будет испытывать нужды.

Подобная провокация не пользовалась успехом, потому что делегаты с фронта отправлялись на фабрики и заводы и здесь сами убеждались, что рабочие не бездельники, что производство всего нужного фронту идет полным ходом. Но после июльских событий, буржуазия и соглашатели добились-таки того, что рабочие принуждены были сдать оружие. Сдали, конечно, не всё, а незначительную часть, а остальное попрятали, но так оружия и вообще было мало, то положение с ним стало и вовсе плохим. Например, на Нарвский район приходилось всего 250 винтовок, а на Выборгский—4 000, в то время как желающих записаться в Красную гвардию в этих районах было больше 50 000.

После корниловского мятежа, когда перепуганные соглашатели, в предчувствии кро-

вавых ужасов генеральской диктатуры, бросились за помощью к большевикам, дело несколько изменилось. По ордеру председателя Центрального исполнительного комитета для Красной гвардии Питера было сразу получено около 2 000 винтовок с Сестрорецкого завода, с которым в то же время установилась прочная связь. Благодаря этой связи, время от времени винтовки оттуда в Красную гвардию поступали и без ордеров. Но миновала корниловская опасность, и снова приток оружия прекратился, и снова вооружению рабочих стали ставиться всевозможные препоны. Так продолжалось до самого почти Октября. Такое положение до последней степени мешало военному обучению красногвардейцев.

Самое обучение владению оружием велось долгое время втайне, особенно после июльских дней, потому что тот из рабочих, кого заставали с винтовкой в руках, без особых допросов прямо направлялся в тюрьму. Красногвардейцы обучались у себя в каморках, несколько человек по одной винтовке, на фабричных дворах за ящиками, за поленницами, уходили с разобранными винтовками далеко за город и т. д. Только после корниловского мятежа, который вывел и большевиков и Красную гвардию из подполья, явилась возможность обучаться открыто, а потому военное обучение сразу же началось

на 79 питерских фабриках и заводах. Но тут дело стало за обучающими.

Командиры Красной гвардии иногда выбирались самими красногвардейцами. Обычно это и были сами организаторы дружин, около которых группировались добровольцы. Но чаще всего такого организатора по формированию Красной гвардии выделял фабрично-заводской комитет, причем этот же организатор являлся и командиром части. В большинстве случаев он понятия не имел о военном деле. Он мог поднять боевой пыл своей части, мог увлечь ее за собой, но часто даже не знал, как правильно зарядить винтовку. Делу помогали солдаты питерского гарнизона и делегаты с фронта, которые мало-помалу установили связь с рабочими несмотря на буржуазную провокацию. Но, вопервых, солдат, а тем более унтер-офицеров, не говоря уж об офицерах, примкнувших к большевикам, было до корниловского выступления очень мало, и они совершенно незаметно распылились по крупным заводам. А вовторых, сами обучающие не знали особенностей своих обучаемых, которых, конечно, не приходилось ставить на одну доску с рекрутом-первогодком старой армии. Нужны были какие-то особые приемы обучения, в зависимости от тех целей, для которых сформировалась Красная гвардия, не имеющие ни-

чего общего с той военной дрессировкой в царской казарме, которую прошли сами обучающие и какую только и могли передать красногвардейцам солдаты старой армии. Поэтому все обучение ограничивалось простейшими ружейными приемами, рассыпанием в цепь, перебежкам. Дальше этого не шли и познания самих обучающих, а одна из важнейших основ военного обучения, стрельба, совсем не проходилась, потому что нельзя было обучаться стрельбе тайком: негде было да и сроки обучения были поневоле очень короткими. Немудрено поэтому, что военную подготовку красногвардейцев так и не удалось наладить, как следует. Да и у самих красногвардейцев благодаря такому обучению установился взгляд, что в бою самое главное—смелость, а не умение и не сноровка. Смелости же, самоотверженности, готовности пожертвовать своей жизнью было сколько-угодно, и в этом была главная сила Красной гвардии в бою, так удивлявшая и пугавшая ее врагов, опытных войск, какими были казаки и офицерские части на Украине и на Кубани.

Это пренебрежение к военной науке приносило немало вреда. Опытный враг в длительном бою всегда мог перехитрить красногвардейцев, всегда бросавшихся напролом, заманить их в ловушку. Во время борьбы с

польскими легионами [1]) в 1918 году один красногвардейский отряд, получив приказание совершить обход и напасть на поляков с тыла, решил, что «хитрости тут ни к чему», и двинулся в атаку прямо в лоб. Конечно, отряд понес огромные потери, а врага даже и не видал. К счастью, таких случаев выпадало сравнительно немного. В первое время гражданской войны затяжных сражений вообще не было, так как все бои, благодаря особенностям борьбы того времени, решались налетом, одним мощным ударом прямо в лоб врагу. А в таком бою, требующем единодушного героического порыва, Красную гвардию ни с какой другой военной силой сравнить было нельзя. Она творила чудеса, увлекая за собой даже разваливавшиеся части старой армии, которые утратили всякую боеспособность и сражались с большой неохотой.

VI съезд партии, состоявшийся между 25 июля и 3 августа и работавший на полу-

---

[1]) До мировой войны Польша была разбита на три части, входившие в состав Австрии, Германии и России. Каждое из государств в войне пыталось использовать национальные чувства поляков для увеличения своих сил, а потому в каждой армии формировались польские части. После Февральской революции польские полки—„легионы"—были сведены в особый корпус, в котором сразу же началась усиленная агитация польской буржуазии за создание самостоятельной Польши. Во время корниловского мятежа легионеры заявили, что они держат нейтралитет во внутренних русских делах, но после Октябрьской революции они сразу же заняли враждебную по отношению к советской власти позицию.

легальном положении, в своей резолюции по политическому моменту указал на необходимость «направить все силы на организацию и подготовку сил» к тому решительному моменту, когда потребуется «напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки». На очередь становился вопрос о свержении власти буржуазии и временного правительства, потому что «мирное развитие революции и безболезненный переход власти к советам стали невозможными». Таким образом прямо был поставлен и прямо решен вопрос о вооруженном восстании, а потому и партия и ее Военная организация занялись собиранием сил и подготовкой восстания. Работа Военной организации, до сих пор направленная на овладение царской армией, обратилась и на Красную гвардию. Это выразилось в довольно успешных попытках решить командирско-инструкторский вопрос и в придании Красной гвардии общей организации, наиболее удобной для управления и руководства. Состав командиров Красной гвардии был пересмотрен и кроме того налажены были вскоре после корниловского мятежа «инструкторские курсы».

Срок прохождения этих курсов был десятидневный, так что, хотя лекции на них и читались с утра до позднего вечера, но основательных военных знаний на них получить было, разумеется, нельзя. Но зато эти кур-

сы подготовили, и подготовили неплохо, сознательных солдат старой армии к тем новым условиям инструкторской работы в Красной гвардии, которые в корне отличались от такой работы в царской армии, в царской казарме. Они помогли будущим командирам и инструкторам понять природу и стремления тех бойцов, которыми им в дальнейшем пришлось руководить. Другими словами, они подготовили военно-политических вожаков восстания, которые теперь, ясно зная цель своей работы, должны были соответствующим образом повести свою работу, не налегая на ружейные приемы и шагистику.

Курсы эти пользовались большим успехом, так что Военная организация получила ряд требований пропустить через них курсантов из других городов, а также от армий и фронтов. Особенно большое количество желающих пройти курсы давали северные города и ближайшие к Питеру армии—V и XII. Курсы таким образом приобрели всероссийское значение, а товарищи, кончавшие их, распределялись по всей России, но главным образом в ближайшие к Питеру—центру будущего восстания—города. Все окончившие сохраняли теснейшую связь с Военной организацией, и благодаря им Военная организация имела возможность следить за ростом Красной гвардии во всей стране, за нарастанием боевого революционного подъема в мас

сах и вести подготовку вооруженного восстания сразу же по всей стране. Это устраняло возможность повторения ошибок 1905 года и в особенности главной из них—разрозненности действий и отсутствия руководства.

Вместе с этим после VI съезда партии было установлено централизованное [1]) руководство Красной гвардией. Районные комендатуры или штабы Красной гвардии, действовавшие до сих пор по формированию и обучению частей самостоятельно, выделили по одному представителю для Центральной комендатуры Красной гвардии, которая не была учреждением постоянным, а собиралась время от времени для решения основных вопросов Красной гвардии. Постоянным работающим ядром являлось «Бюро центральной комендатуры» в составе некоторых членов комендатуры. Оно и руководило повседневной деятельностью районных комендатур по формированию и обучению Красной гвардии. После корниловского мятежа это трудно выговариваемое название было заменено простым и понятным—«Главный штаб Красной гвардии». В состав этого первого, существовавшего открыто, социалистического штаба вошли товарищи Павлов, Трифонов В. К., Трифо-

---

[1]) **Централизация**—способ управления, при котором все органы, учреждения на местах получают руководство из центра, из столицы и проводят на местах распоряжения центральной власти.

нов Е., Юренев И., Орлов, Потапов, Кокорев и Поплавский. Этот состав Главного штаба продержался до самого начала организации Рабоче-крестьянской Красной армии, в которую Красная гвардия вошла крепким, основным костяком.

Старая армия.

«Армия не может и не должна быть нейтральной,—писал Владимир Ильич, незадолго до декабрьского восстания 1905 года в Москве.—Не втягивать армию в политику—это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивают армию в реакционную политику».

Все усилия партии после 1905 года направлялись к тому, чтобы вывести эту армию из состояния нейтралитета[1]) и сделать ее оружием восстания. Но в 1905 г. политическая работа в царской армии не пользовалась успехом, как уже сказано было, потому что крестьянство не было целиком затронуто революцией, а потому крестьянское сознание солдат старой армии также слабо затрагивалось революционными лозунгами того времени. Мировая война, оторвавшая от дерев-

[1]) Нейтралитет—невмешательство. Если в борьбе двух сторон, партий, государств третья сторона не вмешивается в эту борьбу, не поддерживая ни одну сторону, то она является нейтральной.

ни десятки миллионов лучших работников, заставила и деревню почувствовать всю тяжесть ее. Это немедленно нашло свое отражение в армии, где находилась лучшая, наиболее сознательная и наиболее революционная часть деревни, и подготовило армию к принятию революционных лозунгов 1917 года.

Но темную, плохо разбиравшуюся в политических вопросах солдатскую массу, буржуазия, получившая власть, и сама и при помощи соглашателей, немедленно попыталась сделать своим инструментом, вопервых, для удержания власти в своих руках, а вовторых, для доведения «войны до победы». Для этого требовалось замутить солдатско-крестьянское сознание, отвлечь его от чисто революционных лозунгов и вообще оттереть армию от политики. В силу этого еще при образовании питерского совета рабочих депутатов, когда большевики внесли предложение о включении в него депутатов и от солдат, соглашатели, эти «лицемерные слуги буржуазии», немедленно подняли шум. Они заявляли, что армия должна быть, вопервых, вне политики, а вовторых, что солдатам нет места в таком чисто классовом учреждении, как совет рабочих депутатов, потому что сама армия—деклассированная масса, т. е. собрание людей, которые в настоящем своем положении не связаны ни с каким классом. Однако это не прошло: оттереть армию от

политики не удалось. Армия была выведена из состояния нейтралитета, привлечена к политической жизни страны, и теперь для партии, стремившейся широко использовать опыт 1905 года, оставалось оторвать армию от буржуазии и превратить ее в орудие революционное, т. е. слить воедино крестьянско-солдатский поток с пролетарским и пустить этот единый поток по революционному руслу. Эта задача была сильно облегчена тем состоянием, в котором находилась царская армия ко времени Февральской революции.

Старая армия по сути дела еще задолго до февральского переворота утратила свою прочность хорошего инструмента в руках своего командования и власти. К 1917 году она утратила значительную часть своей боеспособности и явно разваливалась, причем первые признаки этого развала наметились уже с конца 1914 года, т. е. почти с начала войны. Выражался этот развал прежде всего в грабежах неприятельского и своего населения, в мародерстве [1]), в массовой сдаче в плен целыми батальонами, в то время как можно было или драться, или легко отступить. Число пленных к 1917 году поднялось до огромной цифры в $3^1/_2$ миллионов, и уже это

---

[1]) Мародерство—обирание убитых и раненых. Занимались этим в империалистическую войну главным образом санитары.

одно говорило о сильной утрате желания воевать. Наряду с этим процветали «самострелы» [1]), отлынивание по всяким причинам от боя [2]), огромное количество окапывающихся в тылах, скверное несение сторожевой и прочей службы, массовое дезертирство, своеобразное «фронтовое бродяжничество» [3]) и т. д. Со всеми этими явлениями военное командование боролось со всей жестокостью тех времен. Но это делу не помогало, и грозные явления развала росли с каждым годом, а потом с каждым месяцем, с каждой неделей. Если в 1915 году можно было наблюдать только уклонение солдат под всякими предлогами от боя, от фронтовой службы, то в 1917 году уже немало было случаев невыполнения

---

1) „Самострелы"—умышленное нанесение себе ранения или увечья для того, что бы в качестве больного или раненого отправиться в тыл.

2) Самым употребительным способом для уклонения от боя было сопровождение с поля битвы раненых. В приказах по частям отмечалось, что одного раненого часто сопровождают не только санитары, но и еще несколько солдат. В 1905 г. для борьбы с этим явлением были при полках созданы даже особые комендатуры, на обязанности которых лежало отгонять от раненых излишних сопровождающих и ловить всех тех, кто так или иначе укрывается от боя.

3) Солдаты часто целыми группами отставали от эшелонов, двигавшихся к фронту или с фронта на фронт, нарочно теряли свои документы, а потом якобы в поисках своих частей, месяцами бродили по тылам, от одного этапного коменданта до другого. Порой такие бродяги собирались в более или менее крупные партии и занимались грабежами населения, а то и своих войсковых обозов.

и боевых приказов и отказов итти в атаку [1]).

Но явно разваливаясь, царская армия сама по себе только повторяла и подчеркивала развал всего самодержавного строя. Что представлял собою этот строй?

Дворянско-помещичья Государственная дума, не имевшая никаких прав и покорно выполнявшая самодержавно-правительственную волю. Ни перед кем не ответственные министры, назначаемые не по уму, не по государственной опытности, а потому, насколько им удалось понравиться придворной шайке с Распутиным во главе. Огромная армия чиновников, оторванная от населения, не понимавшая и не желавшая знать живых потребностей страны и занимавшаяся вместе со своими министрами взяточничеством, казнокрадством, хищениями. Полный произвол власти и управления страной при помощи полицейско-жандармского гнета. Живущий в большинстве на правительственные подачки огромный дворянско-помещичий класс и на-

---

[1]) За несколько недель до февральского переворота положение было настолько угрожающим, что генерал Крымов заявлял, например, председателю Государственной думы Родзянко следующее: „В армии, в ее солдатском составе растет недовольство и недоверие к офицерству вообще, к начальству в частности, и таким образом армия постепенно разлагается, и дисциплине грозит полный упадок. Легко может быть, что при таких условиях солдаты откажутся итти вперед, а армия может просто покинуть окопы и поля сражений. Таково грозное, все растущее настроение в полках“.

ряду с этим полное бесправие и обнищание рабочего класса и крестьянства. Таковы были общие черты самодержавного строя, возглавляемого шайкой Романовых, этих, по словам т. Ленина, «погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих и революционеров,— этих помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все преступления ради сохранения этой своей и своего класса священной собственности».

К тому, чтобы сохранить и по возможности преувеличить эту личную «священную собственность» была направлена и деятельность господствующих классов страны, и министров, и чиновников. Ничего другого никто не желал, ничего знать не хотел, никто ни о чем кроме этого не думал, хотя международная обстановка втечение двух последних десятилетий явно шла к тому, что война могла начаться в любое время, по любому поводу. Благодаря этому, когда она действительно началась, в стране немедленно начала развиваться разруха всех видов—транспортная, продовольственная, промышленная, а армия после первых же трех месяцев войны оказалась без винтовок, без снарядов, без тяжелой артиллерии, без множества необходимых предметов, без которых не только нельзя победить, но и вообще вести войну. В то время как противник буквально давил своей техникой, поливал целым дождем свин-

ца, засыпал целым градом снарядов, наша артиллерия была только зрительницей боев, а пехоте, по словам генерала Алексеева, «была предоставлена величайшая честь: встречать противника грудью». Благодаря таким «встречам грудью» в первые же месяцы войны лучший в боевом отношении кадровый солдатский и офицерский состав армии был выбит. Его сменили плохо и мало обученные пополнения и офицеры-прапорщики, наспех кончавшие ускоренные—по 3-4 месяца—офицерские курсы. Армия сразу потеряла половину своей боеспособности, и вооруженные силы Российской империи превратились в очень плохую милицию.

С командованием, особенно с высшим, дело обстояло тоже плохо. Русско-японская война, предшествовавшая мировой, многому научила всех других, но мало чему научила русских генералов. Достаточно сказать, что в разгаре войны, в 1915 году, командующие принуждены были в своих приказах разъяснять начальникам дивизий то, что теперь известно каждому красноармейцу. «При укреплении позиции,—писал, например, главнокомандующий юго-западным фронтом, генерал Иванов,—нужно 1) всегда начинать с расчистки впередилежащей местности для обстрела, 2) окопы тщательно применять к местности». «Нужно запомнить,—писал командующий II армией,—что 1) шрапнель назна-

чается для поражения живых, открытых целей и 2) пушечная граната назначается для разрушения легких полевых построек».

Такие и подобные им приказы свидетельствуют, что высшие начальники явились на войну с сильным, умным и организованным противником не только не подготовившись к ней, но и перезабыв все старое. Да оно и немудрено, потому что при самодержавном строе, давившем всякие проблески живой мысли, и живое военное дело превратилось в канцелярщину, разменялось на мелочи и застыло на старых образцах. Чтобы дать в армию приток живой мысли главное французское командование, например, в самом начале Мировой войны уволило в отставку более 80 генералов, оказавшихся неспособными. А в русской армии обойти при назначении на должность «старшего чином» считалось преступлением. Поэтому на высоких должностях сидели старцы преклонных лет, удрученные всякими болезнями, часто вовсе непонимавшие новых условий войны, а люди способные, но молодые, оттирались на задний план. От этого происходили нелепые распоряжения, неразбериха в боевых операциях, потеря лучших частей, лучших бойцов и т. д. Это было настолько всем видно, что начальник штаба верховного главнокомандующего Янушкевич прямо писал военному министру: «Солдаты дерутся геройски, но генералы,

это—одно горе. Для нас было бы лучше, если бы они были на немецкой стороне».

При таких обстоятельствах армия, состоявшая из наспех обученных ратников и старых запасных, плохо вооруженная, подавленная могучей техникой противника и его организованностью, скоро перестали верить в победу. Она изверилась скоро и в вождей и благодаря этому начала отлынивать и от фронта и от боевых действий всеми упомянутыми раньше способами. Это одна сторона дела, вызывавшая развал. Другая, и самая главная, в том, что армии чужды были цели войны и что классовые противоречия между рабочими и фабрикантами, между крестьянами и помещиками, перенесенные в армию, во время войны сильно обострились.

Мировая война была войной империалистической, захватнической, выгодной только кучке капиталистов всех стран, гибельной для рабочих и крестьян. Но грабительские цели войны буржуазией западных стран, буржуазией врагов и союзников царя были замазаны перед массами довольно искусно. Русская же буржуазия с ни на что неспособным правительством зашила их белыми нитками. Доказывалось, что война—священный подвиг, святое дело освобождения славянских братьев, объединения всех славянских народов, превращения магометанского Стамбула в православный Царьград и т. д. В соответствии с

этим «святым и священным» фронт был завален образами, евангелиями, пущены были в ход рассказы о всевозможных видениях святых, архангелов, которые будто бы сами ополчились на немцев, о богородице, которая будто бы обещала русским генералам победу, и т. д. Все это могло действовать на темную мобилизованную крестьянскую массу очень недолго. Армия, принужденная, «грудью отбивать» неприятельские «9-дюймовые» и исполнять приказы один нелепей другого, быстро растеряла свое геройство, подбадриваемое жестокой дисциплиной, святыми и богородицей. А раз возбуждение прошло, массы стали доискиваться, докапываться до истинных причин войны, искать виновников. В окопах началось шептание, разговоры, начались вопросы, которые начальство строго обрывало или накладывало на любопытных соответствующие наказания. Однако неприятные для начальства разговоры продолжались и дошли до того, что целым рядом приказов по фронтам и армиям, на «господ офицеров» возлагались обязанности следить за разговорами «нижних чинов», по возможности не оставлять их без своего наблюдения и внимательно следить за солдатской корреспонденцией.

Таким образом на командиров-офицеров кроме прямых, боевых, возлагались еще и жандармские обязанности. Это еще более рас-

ширило ту щель, которая существовала между офицерским и солдатским составом царской армии—двумя частями, разобщенными классовой пропастью.

Солдатская масса царской армии, дитя темного, угнетенного крестьянства, с деревни приносила в казарму недоверие и боязнь всякого рода начальства, привитую урядниками, стражниками, становыми, земскими начальниками, помещиками, которые по сути дела тоже в деревне были начальством—«господами». В казарме эти боязнь и недоверие не рассеивались, потому что в офицере-командире солдату никак не приходилось видеть своего старшего, более опытного товарища, а только строгого, порой несправедливого или бесчеловечно-жестокого начальника, карающего за всякую мелочь, могущего сделать с подчиненным ему во всех отношениях «нижним чином» что угодно. Командир-офицер пользовался всеми решительно правами, он казался человеком совершенно другой породы, чем солдат, потому что ему было все дозволено, вплоть до распоряжения убогим солдатским пайком и солдатской жизнью, а солдату—ничего.

Это состояние полного порабощения для солдата-крестьянина не являлось новым. Но того помещика, станового, который давил крестьянина в деревне, скрываясь за стаей приказчиков или стражников, крестьянский ре-

крут в казарме видел прямо перед собой в золоте эполет, распоряжающимся всем солдатским достоянием, вплоть до жизни. Понятно поэтому, что недоверие, боязнь и злоба к помещику, становому, земскому начальнику переходила и на офицера. Но вымуштрованная до потери возможности самостоятельно рассуждать, оторванная от деревни, солдатская масса не могла еще уразуметь связи между помещиком, становым и прочими деревенскими врагами и поручиком, капитаном, полковником в казарме. Это понимание пришло потом, во время империалистической войны, когда солдат, потеряв веру в победу и в вождей и не понимавший целей войны, начал рассуждать и докапываться до истины, сдерживаемый пока остатками дисциплины, но тая на сердце злобу и огромное раздражение.

Эта злоба, выражавшаяся во время войны в убийствах исподтишка, во время боев наиболее свирепых, звероподобных начальников, вначале революции нашла себе выход, но не вдруг, а после некоторых праздничных революционных переживаний.

Февральская революция проходила на фронте, как праздник, среди музыки и ликований. Придушенная потребность в свободном слове, в свободной организации, выливалась в форме бесконечных митингов, в открытии деятельности войсковых комитетов,

где солдаты могли рассуждать о своих нуждах совершенно свободно. Боевая работа фронта не нарушалась заметно: исправно несли сторожевку, ходили в разведки и т. д. Но все это была только видимость, торжественное предисловие к ожесточенной борьбе.

Буржуазия и царское правительство, без пути, без разуму мобилизовавшие до 20 миллионов крестьян и рабочих, волей-неволей организовали и вооружили огромные враждебные им массы. Эти массы были по-преимуществу крестьянскими. И не просто крестьянскими, а составлявшими наиболее революционную и деятельную часть деревни как по возрасту, так и по имущественному положению, потому что кулак, деревенский богатей, как и всякий буржуй имел множество способов «окопаться» в тылу. Война всколыхнула деревню до самого основания. Она оторвала от производительного труда лучших работников, обезлошадила деревню, вызвала страшную дороговизну фабрично-заводских товаров, необходимых крестьянину, произвела разорение огромного количества маломощных хозяйств. Поэтому посевная площадь стала сильно сокращаться, и голод и нужда начали заглядывать даже в зажиточные крестьянские семьи. Непрекращавшаяся с 1905 года борьба крестьян с помещиками благодаря этому обострилась и потребовала разрешения. И вот теперь, когда революция сулила

разрешить все больные для крестьянина вопросы, лучшая, а теперь и наиболее организованная и вооруженная часть деревни была оторвана от государственной жизни войной, и как бы лишена права участвовать в разрешении всех больных вопросов. Поэтому понятно, что как только первые торжественные впечатления революции прошли и все совершившееся было усвоено, крестьянская масса в серых шинелях начала прямо ставить вопрос о том, когда и как эта война кончится. В ответ на это она услыхала: «война до победы», т. е. до бесконечности, как мог думать солдат, потому что в победу он не верил.

Таким образом радостное и торжественное событие как будто не только ничего не давало солдату, а, наоборот, ухудшало его положение. Все, начиная от агентов буржуазии и соглашателей до ротного командира, доказывали ему, что теперь он должен воевать и умирать с еще бо́льшим усердием, потому что теперь он борется будто бы за свободу, которую враг, стоящий против него в траншеях, будто бы хочет и может отнять. Это произвело замешательство. Солдат, запутанный с первых дней революции, чутко стал прислушиваться к тому, что творится в тылу. Оттуда шли тоже сбивчивые вести. С одной, стороны шла усиленная работа по закреплению лозунга «война до победы», с другой—

пролетариат почти во всех городах своими выступлениями выражал явный протест против войны и свое недовольство установившимися порядками. С одной стороны, солдат узнавал, что крестьяне делят помещичьи земли, и волновался, как бы не покончили с этим делом без него и не обделили его, а с другой—читал и слыхал о том, что министры-социалисты посылают против этих крестьян карательные отряды, защищающие помещиков. С одной стороны, призывали его к стойкости на фронте, а с другой—фронт перестал получать пополнения, приток которых прекратился с началом революции, так что части в окопах целиком тратились на охранение и не имели отдыха. Благодаря всему этому солдат волновался и ходил сам не свой. Он давно бы бросил фронт и отправился туда, куда тянули его крестьянские интересы, но сдерживали его, вопервых, остатки дисциплины, а вовторых, боязнь, что вдруг окажутся правыми те, кто говорит, что немец—злейший враг русской свободы, что он пройдет сквозь ослабевший фронт и вновь посадит на трон царя с его жандармами и становыми.

Запутанность и непонимание увеличивали злость. Вопервых, к тылу, к тем, кто там окопался и не идет ему на смену, вовторых, к офицерам и командирам, которые требовали прежнего повиновения, в то время как в деревне уж те, кого боялся солдат, свергнуты.

В этом случае отстутствие спайки и классовая рознь в царской армии между офицером и солдатом сказались во всей полноте.

Нельзя сказать, что офицерство, особенно строевое, не понимало этих солдатских настроений. Но это понимание обесценивалось неумением подойти к солдату в новых условиях, а потом и нежеланием подойти к нему, после того как солдат стал явно выражать свое недоверие к офицеру, называя и его буржуем. Поэтому скоро начались столкновения, особенно сильные по вопросам дисциплинарным. Боевые приказы и фронтовая служба с грехом пополам выполнялись; но получив право рассуждать, солдаты стали обсуждать и боевые приказы и все, что касалось боевой жизни. Приказания исполнялись часто только после выполнения различных солдатских требований, иногда довольно нелепых. Чтобы отправить, например, на окопные работы, которых нельзя было прекратить, какую-нибудь часть, приходилось давать новые сапоги, прибавлять паек и т. д. При сменах часть с частью взаимно переругивались, разводили бесконечные вычисления, кто больше стоял на позиции, кто больше потерял в боях, у кого позиция лучше и т. д. Каждый шаг сопровождался митингами, столкновениями, бесконечным перерешением одних и тех же вопросов.

Солдатскую злость к тылу буржуазия в первое время революции умело использовала для того, чтобы натравить солдат на рабочих. Это они, а не кто другой, говорили ее агенты, мешают солдату победить врага, потому что останавливают фабрики и заводы, выделывающие необходимые для фронта предметы. Это они расстраивают транспорт и лишают фронт подвоза необходимого. Это им нет никакого дела до войны, потому что они пользуются революцией только для того, чтобы получить свое, не заботясь о других и т. д. Возмущенный фронт отвечал на это сотнями делегаций, которые направлялись в столицы и промышленные районы. Буржуазная провокация была разоблачена, и с тех пор буржуазные ораторы, призывавшие к войне «до победы», не смели показываться на фронте. Их не слушали, кое-где избивали, а были случаи, что солдаты насильно одевали их в шинели и тащили в передовые окопы:—«сиди тут, вместе с нами, коли хочешь воевать до победы»...

Но срывая такими выходками свою злость на всех, кто требовал продолжения войны, кто говорил, что фронт надо держать попрежнему, солдатская масса все же не могла покинуть фронта. С каждым днем, правда, она все более и более превращалась в «носильщиков оружия», но были еще целые корпуса и фронты, исправно несшие службу, хорошо

отбивавшие попытки немцев толкнуться то тут, то там в расположение русских армий. Армия, изверившись в буржуазном правительстве, еще не изверилась в соглашателях и даже позволила им увлечь себя в наступление. Оторвать ее, эту обреченную на развал массу от буржуазии и соглашателей и превратить в орудие пролетарской революции—таковы были ближайшие задачи партии большевиков. Эти задачи были выполнены благодаря четким и ясным лозунгам о мире, о земле, о рабоче-крестьянской власти, выдвинутым партией и вполне соответствовавшим стремлениям солдатско-крестьянской массы на фронте, увлекшим эту массу за собой и впоследствии осуществленным полностью на деле.

Военная работа партии большевиков.

С первого же дня Февральской революции каждому стало понятно, какое значение должна иметь армия в ходе революции. Поэтому овладеть армией для того, чтобы сделать ее орудием для выполнения своих политических целей, сделалось задачей каждой партии. Вокруг армии с первых же дней революции завязалась ожесточенная борьба, причем одну сторону в этой борьбе составляла пока численно слабая, не оправившаяся еще от разгромов, причиненных годами ре-

акции [1]) и войны, партия большевиков, а другую—все прочие партии, начиная с буржуазных и кончая соглашательскими. Как видно отсюда, нельзя сказать, чтобы борьба завязывалась на равных условиях.

Учитывая опыт 1905 года и стремясь как можно шире использовать его, уже на второй день февральского переворота, на втором по счету нелегальном заседании Питерского комитета большевиков, была создана особая комиссия по работе в войсках петроградского гарнизона—*Военная организация*. 7 марта Петроградским комитетом был уже намечен в общих чертах и план работы в войсках и выделены товарищи для руководства этой работой: А. Н. Сулимов, Н. И. Подвойский и С. Нарвский. Это и был первоначальный состав этой комиссии, или Военной организации, или, как она часто називалась попросту,—«Военки». Скромная задача «Военки» вести работу только в войсках петроградского гарнизона скоро расширилась до превращения комиссии в главный штаб партии и пролетариата по подготовке всеобщего восстания трудящихся. Военная организация подготовила будущих вожаков и военных руководителей восстания и гражданской войны и вы-

---

[1]) Реакция—возврат к старому, стремление вернуть отжившее. Реакция после революции 1905 года выразилась в стремлении царского правительства отобрать все, что было дано русскому обществу под влиянием страха революции.

работала главные основы революционной военной тактики пролетариата. Вместе с тем она настолько верно наметила в общих чертах путь, по которому должно было итти создание вооруженных сил рабоче-крестьянского

Руководители „Военной организации“ партии большевиков. В центре Н. И. Подвойский, В. И. Невский, К. А. Мехоношин.

государства, что в дальнейшем так называемая «Всероссийская коллегия по организации и формированию Красной армии» пошла прямо по ее следам.

Благодаря скоро обнаружившейся необхо-

димости расширить первоначальные задачи организации, был увеличен и численно слабый состав ее. В нее был по постановлению Петроградского комитета партии введен В. И. Невский и другие, а затем, по мере того как это ядро работников наладило связь с войсками, питерский гарнизон, Кронштадт и гарнизоны ближайших городов и фронтов сами дали для военной организации своих работников. Благодаря этому деятельными работниками Военной организации стали: солдат гвардии гренадерского полка К. А. Мехоношин, гвардейского саперного батальона Беляков, из броневого батальона, Елин прапорщик красносельского гарнизона П. В. Дашкевич, прапорщик огнеметно-химического батальона, А. Ф. Женевский, автомобильного батальона солдат Киселев, от фронта—прапорщик Н. В. Крыленко, штабс-капитан гвардейского гренадерского полка Дзевалтовский, от 12 армии—солдат А. Г. Васильев, от моряков—мичман Ф. Ф. Раскольников и др.

В первые недели своего существования Военная организация разослала всех своих членов и тех военных работников, которых удалось привлечь на свою сторону, в казармы Петрограда и ближайших городов, в Гельсингфорс, в Выборг и даже на фронт для того, чтобы путем митингов и бесед выявить солдатские интересы и стремления. На каж-

дом собрании, на каждом митинге говорилось, что у крестьянина, если он не кулак и не богатей, одни интересы с рабочими, что, только идя рука об-руку с пролетариатом, крестьяне получат и землю и власть. Таким образом, в противоположность 1905 году, когда социал-демократы шли в казармы и внушали солдатам, что нужно требовать улучшения солдатского положения, ораторы Военной организации 1917 года будоражили *крестьянскую* натуру солдата, поднимали в его сознании целую бурю вопросов, близких крестьянскому сердцу. Это имело успех, потому что и сама крестьянская масса была подготовлена к принятию революционных лозунгов изнурительной трехлетней войной.

За короткий промежуток времени, до половины апреля, военной организации удалось получить большое влияние в петроградском, красносельском, петергофском, ораниенбаумском, выборгском, гельсингфоргском гарнизонах, в некоторых частях V и XII армий и в особенности в Кронштадте, среди моряков, которые и раньше отличались своей революционностью, благодаря тому, что личный состав флота укомплектовывался главным образом рабочими. В питерском гарнизоне полки: 180-й пехотный запасный, 1-й пулеметный, Финляндский, гренадерский были целиком под влиянием большевиков, и скоро из

них выделилась весьма полезная для организации группа молодых прапорщиков в составе Куделко, Вишневецкого, Клима, Далматова, Тер-Арутюнянца, Коцюбинского, Зенько, которые вошли в Военную организацию и стали ее деятельными членами.

Но очень скоро обнаружилось, что такие быстрые успехи военной работы возможны только до тех пор, пока противники не опомнились. Буржуазия во главе с кадетской партией, видя рост и влияние большевиков в войсках, стала с бешенством клеветать на большевиков, на пролетариат. Были пущены в ход, как уже говорилось, все средства провокации и натравливания фронта на тыл, что означало почти одно и то же, что натравливание крестьян на рабочих. Но когда возмущенный фронт стал посылать в тыл сотни делегаций, не только для того, чтобы проверить буржуазные сообщения, но чтобы и пригрозить «бездельникам тыла», провокация обнаружилась, но обнаружилась благодаря огромной работе военной организации. С прибывающими с фронта делегациями проводилась большая агитационная[1]) работа. Приехавших делегатов встречал еще на вокзале ответственный работник Военной организа-

1) Агитация — способ внушения взглядов партии или группы лиц другим посредством массового убеждения, например на митингах, во время бесед и т. д. Агитировать — убеждать в правоте своих мнений, чтобы побудить убеждаемых к определенным действиям.

ции, вел на заводы, и здесь рабочие сами, водя делегатов от станка к станку, объясняли причины понижения производительности труда и попутно политически обрабатывали солдат. Солдаты уходили с просветленным сознанием, передавали свои впечатления в полки, а следующие фронтовые делегаты направлялись уже не в Таврический дворец, где заседал соглашательский совет, а прямо в Военную организацию. Военная организация являлась для делегатов единственным местом, где они получали истинные прямые ответы на интересующие их вопросы, о мире о земле, о власти советов и т. д. Таким образом, провокация, опаснейшее оружие буржуазии, было не только притуплено, но и обращено против самой же буржуазии. Благодаря провокации и вызванной ею волне делегаций, партия через свою Военную организацию стала переносить свое влияние из тыловых городов на фронт, в окопы. Здесь, на фронте, измученная и запутанная многомиллионная солдатская масса внимательно следила за всем происходящим в тылу. Голос большевиков, благодаря делегациям, дошел до фронта и здесь оказался единственным голосом, находившим живой отклик в солдатско-крестьянском сознании в разноголосом хоре соглашательских и буржуазных голосов, требовавших войны до победы и обрекавших

солдата на бесконечное сидение в окопах. Вместе с тем беседы с делегациями и разговоры с солдатами позволили Военной организации нащупать и правильный путь агитации в солдатских массах.

Такой способ, т. е. беседы, разговоры в минуты отдыха, во время занятий, постоянное общение с солдатами, представлялся самым лучшим, самым действительным. Но он требовал огромного количества работников. Между тем состав Военной организации, хотя и расширившийся после февральских дней, был все-таки ограниченным для того, чтобы охватить все части хотя бы одного петроградского гарнизона. Но лозунги большевизма о мире, о земле говорили истомившимся солдатским массам сами за себя. Их нужно было только в большинстве случаев доводить до солдатского сознания, а это мог сделать всякий, вышедший из пролетариата или беднейшего крестьянства. Поэтому Военная организация вызвала из Кронштадта, который почти целиком находился под большевистским влиянием матросов, могущих хоть сколько-нибудь агитировать благодаря своей твердой вере в дело пролетариата. Сотни сознательных рабочих точно так же были оторваны от своих прямых занятий для проведения этой агитационной кампании. Этих простых, часто малограмотных, но крепко убеж-

денных людей военная организация наскоро инструктировала и направляла в казармы постольку, поскольку удавалось туда проникнуть, не вызывая особых подозрений со стороны соглашателей, агентов буржуазии и примкнувшего к ним офицерства. Таким образом от многолюдных митингов, которые особенно любили соглашательские ораторы, от цирков и театров, залитых электрическим светом, Военная организация перекинулась в казарменные углы, на нары, на дворы, обратилась со словом к кучкам и даже к одиночкам. Матросов и рабочих, членов Военной организации, часто не пускали в казармы, арестовывали, угрожали тюрьмами, расстрелами. В ответ на это агитаторы заводили разговоры с самими непускавшими, с караульными. «Каждый день,—рассказывает один из таких агитаторов рабочий,—мы толкались в одну из рот Измайловского полка, которая славилась своей преданностью эсерам. Цыкали на нас первое время, как на побирушек: «Ну, убирайтесь вон... Шляются тут». Но день ото дня все мягче: «Гражданин, зря эти разговоры... Право, ни к чему, уйдите...». А потом: «Уйдите, товарищ... Видите, кругом— офицерье. Потом как-нибудь...».

Агитаторы не обижались, и действительно через некоторое время солдаты уже мирно беседовали с ними, удивляясь по простоте

своей, как это их ловко меньшевики и эсеры водили за нос.

Проникая в казармы, агитаторы пользовались каждым занимавшим солдат случаем, чтобы ввернуть несколько горячих большевистских слов, вели беседы с кучками наиболее чутких, наиболее интересующихся. Они оставались в казармах пить, есть, спать и таким образом получали возможность беседовать непрерывно, так как бытовая жизнь солдат на каждом шагу давала им материал для возбуждения солдатского негодования против буржуазии и для внушения необходимости общими усилиями рабочих и солдат победить опасность, которую буржуазия готовит для революции. Перед их простыми, часто грубыми, безыскусственными доводами беспомощно отступали блестящие ораторы меньшевиков и эсеров. Все усилия буржуазии, соглашателей, работавших в большинстве через офицерство и через солдатские комитеты, где тоже прочно засела интеллигенция и офицеры, разбивались о грубую матросскую или рабочую речь, потому что солдатско-крестьянская масса понимала их, так сказать, «нутром», чувствовала в них своих, т. е. тех же рабочих и крестьян. Поэтому и успех такой агитации был поразительный: части быстро ускользали из-под влияния и соглашателей и своих офицеров. Пробыв в казарме и прожив солдатской жизнью три-четыре дня,

члены Военной организации возвращались с докладом, в каких полках и что удалось сделать. Обыкновенно после их ухода часть была готова для дальнейшей совместной работы с Военной организацией. Поэтому в такой части организовывалась большевистская ячейка, которая уже сама вела дальнейшую работу по обработке своей части, получая инструкции от Военной организации и путем партийной литературы и газет.

В деле этого инструктирования ячеек и обработки солдатских масс огромное значение имела газета «Солдатская правда», связывавшая отдаленные солдатские ячейки с большевистским центром. Она вела переписку со всеми фронтами и даже с отдельными лицами, потому что солдаты сразу стали заваливать редакцию письмами, и давала огромный материал для агитации военным ячейкам. На Северном и Западном фронтах точно так же большим успехом пользовалась «Окопная правда», позднее—«Окопный набат»,—газета, которую редактировал солдат А. Г. Васильев, член Военной организации.

Первые военные ячейки в петроградском гарнизоне появились в Павловском, Преображенском, Егерском, Измайловском, Петроградском, в 180-м пехотном запасном, в Финляндском, Московском, гренадерском и 1-м пулеметном полках. Через эти ячейки росла и крепла связь Военной организации и партии

с солдатскими массами, выяснялись больные вопросы, тревожившие солдат. Работа настолько быстро развивалась, что у Военной организации давно не хватало сил обслужить и охватить все. Не проходило дня, чтобы кто-либо из членов ее не побывал в какой-либо части. Приходилось ездить даже по ночам, потому что пополнения, отправлявшиеся на фронт, часто хотели получить «напутствие» от тех, кого считали своей партией. Почти всегда после таких напутственных речей эшелоны отправлялись на фронт с плакатами «вся власть советам», к величайшей злости своих командиров. В короткий сравнительно срок была проделана огромная работа, зато уже к началу июня Военная организация могла торжествовать победу.

В июне во время работ I Всероссийского съезда советов, проходившего под влиянием меньшевиков и эсеров, партия, прислушиваясь к требованиям масс, решила организовать демонстрацию, чтобы показать боевую революционную готовность пролетариата и солдат. Соглашатели пришли в негодование и всевозможными угрозами потребовали отмены этой демонстрации, решив назначить на 18 июня свою, от имени съезда советов. Партия отменила свою демонстрацию, мобилизованные члены Съезда—300 меньшевиков и эсеров в то же время разъезжали по казармам, агитируя против большевиков и угова-

ривая солдат выступить 18 июня с соглашательскими лозунгами. Солдаты и рабочие действительно вышли в этот день на улицу, но все полки питерского гарнизона и прибывшие делегации из Кронштадта, Петергофа, Ораниенбаума и других городов несли плакаты: «Долой войну», «Долой соглашателей», «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся земля крестьянину», «Вся власть советам». Только некоторые мелкие группы вроде самокатного батальона да некоторых казачьих частей имели надписи: «Да здравствует коалиционное правительство», но эти надписи тонули в море большевистских плакатов. Примерно то же самое происходило и в других городах и гарнизонах и наконец набатным призывом докатилось до армии. Всюду Военная организация имела возможность убедиться, за кем идет солдатская масса и кто среди нее пользуется наибольшим и бесспорным влиянием.

То же самое подтвердила и конференция (совещание) военных организаций, созванная в начале июля. На конференцию явились представители более чем от 500 большевистских ячеек в полках, дивизиях, армиях, от всего фронта и тыла, за исключением отдаленных Кавказа и Сибири. Конференция обнаружила, что ни в тылу, ни на всем многоверстном фронте нет ни одной войсковой единицы, в которой бы влияние большевизма

так или иначе не чувствовалось, что лозунги, выставленные партией, есть точно так же и лозунги солдатских масс и что таким образом линия Центрального комитета партии правильна. Но в то же время по докладам с мест выяснилось следующее положение на фронте: большевистские лозунги—единственные лозунги, которые соответствуют самым задушевным, самым горячим стремлениям солдат. Но солдатские массы еще не сознали своих сил, не представляют себе, как можно рабочим и крестьянам стать во главе власти, а потому лозунги хоть и заманчивы, но кажутся слишком смелыми, несбыточными. Солдат еще не уверен, что их можно превратить в дело, но не в состоянии и отказаться от них и забыть их хотя на минуту, и поэтому мечется между этими лозунгами и сознанием, что фронта бросить нельзя, чем и пользуются соглашатели. Но вместе с тем он уже наполовину избавился от соглашательского угара. Фронта бросать он пока не намерен и не говорит об этом, но уже на своих митингах все чаще и чаще выносить резолюцию: «Наступать не будем, но свои позиции будем защищать до последней капли крови». Таким образом выходило, что солдатская масса близка к полному пониманию причин войны и своих задач и что нужно какое-либо сильное потрясение, чтобы исчезли остатки боязни большевизма и остатки веры в согла-

шателей. Таким потрясением и явилось наступление, предпринятое Керенским, подталкиваемым и своей и западной буржуазией.

Юго-западный и Румынский фронты считались потрясенными «большевистской заразой» по причине их отдаленности от крупных столичных и фабрично-заводских центров. Поэтому еще с начала лета сюда начали съезжаться агенты Временного правительства, видные эсеры и меньшевики, вместе с иностранными представителями. Все били в одну точку—надо наступать. Все доказывали, что наступление—дело самое революционное, что оно необходимо для закрепления свободы, что нужно сделать одно последнее напряжение, после которого враг уже «покатится безостановочно» и т. д. С фронтов предусмотрительно удалили «затронутые большевизмом» части, сменив их «надежными», удалили (а кое-кого и арестовали) видных большевистских работников, а затем начали сосредоточивать огромное количество артиллерии и прочих технических средств.

Наступление замышлялось вопреки интересам пролетариата, крестьянства и самого фронта, потому что вело к новому бесполезному кровопролитию и затягивало войну. Замышлялось вопреки заявлению самих соглашателей от 14 марта о миролюбии свободного русского народа. Оно было вредно, потому что обнаруживало пред пролетариатом все-

го мира и в том числе перед германским и австрийским, который стоял напротив в солдатских же шинелях, захватнические цели «революционного» правительства России. Оно было заранее обречено на неудачу, потому что солдаты явно не хотели воевать, потому что половина всего фронта выносила резолюции о том, что полки не будут наступать. Да и те, что не выносили, потому что не могли еще ясно высказать большевистских лозунгов, были большевистскими. Но тем не менее, благодаря всем принятым военным и политическим мерам, солдат Юго-западного и Румынского фронта удалось поднять на новое кровопролитие. 19 июля наступление благодаря отлично организованной артиллерийской подготовке началось успешно. Было захвачено много военной добычи, пленные. Но через несколько дней, когда германцы подбросили австрийцам кое-какие резервы, русские армии за Галичем наткнулись на упорное сопротивление. Этого было достаточно, чтобы искусственно вызванное боевое настроение рассеялось, как дым, и наступавшие армии в беспорядке покатились назад, отдавая не только все занятое, но и свое собственное, бросая и артиллерию и огромное войсковое имущество. Фронт был потрясен окончательно, и развал его начал развиваться со страшной быстротой несмотря на смертную казнь, введенную Керенским. Армия

утратила окончательно свою боеспособность и перестала верить не только буржуазии, но и соглашателям, которые в глазах солдатской массы были нисколько не лучше буржуазии, а социалист Керенский оказывался даже хуже царского генерала Корнилова. Солдатские массы определенно потянули к большевикам, так как одни большевики оказывались правыми и одни большевики были теми, кому солдат не имел никаких оснований не верить.

Но наступление, даже неудачное, было тоже на-руку буржуазии, потому что позволило ей всю вину за неудачу взвалить на большевиков, которые своей агитацией против наступления будто бы «вонзили нож в спину армии». Против большевиков началась настоящая травля, а затем буржуазия, воспользовавшись июльскими днями, принялась за аресты и разгромы. Все большевистские газеты всюду были закрыты. На заводах, на квартирах производились обыски. Разыскивались оружие, деньги. Документы и большевистская литература в партийных комитетах беспощадно уничтожались.

Не избегла общего разгрома и Военная организация. Половина ее членов сидела по тюрьмам, а другая разыскивалась, как преступники. Но семя большевизма, посеянное в сознании масс, не могло погибнуть. Оно зрело и укреплялось, потому что лозунги о

хлебе, мире, свободе, о власти советов перестали быть лозунгами партийными, они стали массовыми. Они не могли быть забыты. После июльских дней и после разгрома в массах вызрело сознание неизбежности и необходимости вооруженного восстания для того, чтобы претворить эти лозунги в жизнь, потому что всем стало ясно, что противник держится за власть крепко и не намерен ее отдавать мирно.

Благодаря этому рабочие и солдатские массы сами собой тянулись к организации, и через несколько дней после июльского разгрома, когда буржуазия торжествовала победу и начала мечтать о военной диктатуре, уже наметились признаки возобновления работы Военной организации. В Выборгский район, наиболее революционный, а потому и наиболее пострадавший при разгроме, потянулись и представители военных ячеек и оставшиеся на свободе члены Военной организации. Тут была установлена сохранившаяся от царского времени подпольная типография, начавшая печатать листовки о контрреволюционной опасности со стороны буржуазии. Тут же мобилизовались силы для подпольной работы и отсюда же установилась прерванная связь с частями гарнизона, с фронтом, с военными организациями других городов. Прерванная работа налаживалась необыкновенно быстро, показывая, что массы готовы

для организации и что только ждут объединяющих их действия распоряжений. Теперь, когда объединяющий их орган вновь получил возможность действовать, все местные ячейки заработали попрежнему, как будто никакого разгрома и не было. Поэтому, когда

Корниловец агитирует солдат.

появились первые известия о том, что на Питер двигаются полки мятежного главковерха [1]), то Военная организация была наготове. Из подполья она зорко следила за всем ходом контрреволюционных действий буржуазии, и в Петрограде, по одному сигналу

1) **Главковерх** — сокращенное наименование верховного главнокомандующего.

Военной организации, все полки питерского гарнизона и вся Красная гвардия вышли на защиту подступов к Красной столице. Это подняло влияние Военной организации на огромную высоту, вывело ее из подполья и позволило открыто приступить к выполнению постановления VI Съезда партии о необходимости готовить массы к вооруженному восстанию.

ПОДГОТОВКА К ВОССТАНИЮ И ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ.

Революционный подъем масс, потерявших всякую веру в соглашателей, после корниловского восстания нарастал с необыкновенной быстротой. Партия, выведенная благодаря контрреволюционному выступлению из подполья, зорко следила за нарастанием этого подъема, чтобы уловить момент, когда он дойдет до наибольшей остроты, дать сигнал к общему выступлению и взять над ним руководство. Владимир Ильич, все еще бывший под угрозой преследований, а потому проживавший на нелегальном положении, писал:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это вопервых. Восстание должно опираться на революционной подъем народа. Это вовторых. Восстание должно

опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это втретьих».

Все эти необходимые для успешного проведения восстания условия после корниловского мятежа были налицо. Если до июльских дней в некоторой части пролетариата были надежды на то, что переход власти в руки советов возможен и мирным способом, то теперь от этих надежд не осталось и следа. Единственным путем к получению власти советами являлось восстание. Армия, разваленная июньским наступлением на фронте, после корниловского мятежа совершенно выскользнула из-под влияния своих командиров. Солдатская масса, увидевшая, как генерал, сам верховный главнокомандующий, пошел против революции, почувствовала себя со всех сторон окруженной изменой и в каждом человеке, носящем золотые погоны, видела предателя. И тот, кто разубеждал ее в этом, казался тоже предателем. Поэтому заставить ее выступить в защиту Временного правительства или соглашателей не могла никакая сила. Буржуазия, ставка которой на Корнилова была бита, не имела за собой никакой действительной силы. Поэтому она мечтала о том, как бы подавить революцию не-

мецкими штыками, готовилась сдать Питер немцами и радовалась всякой неудаче на фронте. Соглашатели, влияние которых было окончательно подорвано и наступлением на фронте, и преследованиями большевиков и пролетариата, и смертной казнью, которая была введена с их благословения и одобрения, сдавали одну за другой свои командные позиции. Всюду их сменяли большевики, которые в конце августа получили большинство в Московском, в начале сентября—в Петроградском, а затем и в большинстве советов прочих городов. Опорой соглашателей являлся пока один Центральный исполнительный комитет. Но и эта опора становилась ненадежной. Будущий II Съезд советов, созыву которого соглашатели всячески препятствовали, предчувствуя его большевистский состав, при общем революционном настроении масс, должен был неизбежно смахнуть этот последний оплот соглашателей и сменить его новым, подлинно революционным. Таким образом вся обстановка подтверждала, что время для выбора удачного момента восстания приближается, и Владимир Ильич указывал на это:

«Теперь картина совершенно иная [1]),—пи-

---

[1]) Т. е. иная, чем в июльские дни, когда пролетариат, уже организованный, смог бы взять власть в свои руки, но не смог бы ее удержать, потому что в массах, по определению т. Ленина, не было „такого озверения, такой кипучей ненависти“ к соглашателям и потому что армия и провинция до корниловщины могли бы пойти на Питер.

сал он в первой половине сентября в Центральный комитет партии.—За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда, способного увлечь массы. За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь

Солдаты покидают окопы.

при неслыханных колебаниях и всего империализма и блока меньшевиков и эсеров».

На возражения колеблющихся на счет того, смогут ли большевики, захватив власть, удержать ее, Владимир Ильич, отвечал решительно:

«Получив большинство в обоих столичных советах рабочих и солдатских депутатов,

большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки. Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет».

«Мы победим безусловно и несомненно»,— заканчивал свое письмо т. Ленин. Но его уверенность являлась отражением уверенности и боевого подъема пролетариата, которые нарастал и с каждым днем. Уже с мест поступали известия, что то тут, то там советы брали власть в свои руки, и под их защитой крестьяне делили помещичью землю и инвентарь, что солдаты на фронте кое-где отстраняли офицеров от командования и назначали своих, выборных командиров. Поэтому, глубоко понимая природу революции, природу рабочего класса, Владимир Ильич всемерно торопил с восстанием, часто вызывал к себе в убежище руководителей партии и Военной организации, требуя от них докладов о подготовке восстания и давая на счет его важнейшие указания. Великий вождь пролета-

риата сам превратился в стратега [1]), в военного руководителя восстания.

«Мы,—писал он в сентябре,—не теряя ни минуты, должны образовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку [2]), занять Петропавловку [3]), арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам, к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.».

Не ограничиваясь этим, в начале октября он дает настоящий тактический план боевых действий:

«Одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непре-

---

1) Стратегия — искусство располагать и передвигать войска на войне. Умение добиться успеха с наименьшей потерей сил.

2) Александринка — бывший императорский Александринский театр, на Невском проспекте в Петрограде, где заседало „демократическое совещание“.

3) Петропавловка — Петропавловская крепость, построенная Петром I на Неве, являющаяся укрепленным центром Питера, служившая местом заключения жертв старого режима. Теперь—музей.

ме́нно и извне и изнутри, и из рабочих кварталов и из Финляндии, и из Ревеля и из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тысячами (а может, и больше) «буржуазной гвардии» (юнкеров), «наших вандейских войск» (часть казаков) и т. д. Комбинировать [1]) наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожная станция, г) мосты в первую голову. Выделить самые решительные элементы (наших ударников и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, например, окружить Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войск—такова задача, требующая искусства и тройной смелости. Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон) с лозунгом: погибнуть всем, но не пропустить неприятеля».

Так поучал будущих ответственных руководителей вооруженного восстания Владимир Ильич, и нужно подчеркнуть, что на основа-

---

[1]) **Комбинировать**—соединять разного рода усилия или средства для достижения одной цели. Комбинация—сложный план действий.

нии именно этого плана, набросанного творческой рукой, был составлен и план боевых действий и по этому именно плану началось и пошло восстание в тот момент, когда все приготовления к нему были закончены.

Открытая подготовка к восстанию началась, собственно говоря, немедленно после крушения корниловского мятежа.

Красная гвардия, вышедшая из подполья, получила оружие и обучалась на улицах и площадях. Военная организация на своих курсах подготовляла инструкторов восстания. Ее представители посланы были во все важнейшие города республики: в Москву, Киев, Екатеринослав, Саратов, Нижний-Новгород, Ярославль, Тверь, Тулу, Кострому, Минск для того, чтобы указать местным партийным комитетам и военным организациям задачи восстания и те меры, которые должны быть приняты после захвата власти в центре. Особенное внимание они должны были обратить на то, чтобы при удаче восстания в центре те декреты о земле, о мире, о передаче рабочим фабрик и заводов, которые предполагалось издать сразу же после переворота, не были бы скрыты или задержаны. Но открытое столкновение с правительством началось 9 октября при попытке Керенского вывести войска из Петрограда.

Мысль вывести войска из столицы возникла после прорыва германского флота в

Моонзунде [1]) сквозь русские минные заграждения и захвата германцами островов Эзеля и Даго. Это уже создавало угрозу взятия немцами Петрограда, чего так желала русская буржуазия, которая и решила воспользоваться этим случаем для того, чтобы вывести из столицы войска, будто бы для занятия подступов к Петрограду. За этой чисто военной причиной скрывалась и причина политическая: удалить из Питера большевистски настроенные полки, чтобы поставить пред остающейся Красной гвардией все свои, преданные буржуазии части: юнкеров всех петроградских училищ, ударников и некоторые «надежные» казачьи части. Партия и пролетариат самым решительным образом запротестовали против этого, сразу заподозрев в этом мероприятии что-то вроде новой корниловщины. Поэтому, не доверяя штабу петроградского военного округа, решено было взять работу его под контроль. Ввиду этого возникла мысль образовать при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов свой собственный пролетарский революционный штаб для решения вопросов, связанных с обороной столицы. 12 октября на заседании Петроградского совета, несмотря на протесты меньшевиков и эсеров, был обра-

---

[1]) **Моонзунд** — водное пространство с несколькими проливами между материковой частью нынешней Эстонии и островами Эзелем и Даго.

зован Военно-революционный комитет. Соглашатели прямо назвали его «штабом для захвата власти». Он и действительно оказался таковым, настоящим революционным штабом пролетарских вооруженных сил.

В состав Военно-революционного комитета вошли тт. Лазимир, В. И. Невский, Л. Д. Троцкий, Ф. Э. Дзержинский, В. А. Антонов-Овсеенко, Кудинский, Коцюбинский, М. Лашевич, К. А. Мехоношин, И. С. Уншлихт, А. А. Иоффе, Чудновский и др. Председателем был избран Н. И. Подвойский, а секретарем—т. Антонов-Овсеенко. Военно-революционный комитет сразу приступил к делу выработки плана восстания.

Для проведения контроля над работой штаба Петроградского военного округа было постановлено, что без согласования с Военно-революционным комитетом ни одна часть питерского гарнизона не может быть не только выведена из города, но даже из казармы. Но когда представители Военно-революционного комитета во главе с т. Лазимиром отправились в штаб для проведения в жизнь этого постановления, там с ними не захотели даже разговаривать. Командующий войсками округа полковник Полковников и офицерство, которым штаб был набит, заявили, что признают только Временное правительство и Центральный исполнительный комитет. Это заставило Военно-революционный комитет

выпустить воззвание к петроградскому гарнизону, в котором указывалось, что ни одно приказание штаба, не скрепленное подписями Военно-революционного комитета, не должно исполняться. Штаб округа потребовал от Военно-революционного комитета отменить это распоряжение и в свою очередь отдал приказ, запрещающий войскам исполнять приказания «различных организаций». Штаб в его работе поддерживали все буржуазные и соглашательские организации, и Питер запестрел всевозможными объявлениями, воззваниями, обращениями, проклинавшими большевиков, призывавшими к борьбе с ними «всех сознательных граждан». Город принял тревожный вид. Всюду бродили толпы народа, шушукались, шептались кучки, передавая всевозможные «новости», распространяя всевозможные «страшные слухи». Но эти толпы, слонявшиеся по улицам и испуганно ожидавшие чего-то, чего и сами не могли толком объяснить, состояли преимуществу из обывателей [1]), которые запутались в событиях последних дней, бросили всякую работу и теперь пугали друг друга. Настоящие действующие лица момента—пролетариат и контрреволюционная военщина, подталкиваемая буржуазией, в это время усиленно го-

---

[1]) Обыватель — человек, живущий только своими интересами и не принимающий никакого участия в общественной жизни, человек, заботящийся только о личной жизни.

товились к предстоящей схватке. На фабриках и заводах рабочие без шуму, без лишних разговоров, деловито распределяли оружие, запасали его, если в нем чувствовался недостаток. Суетни и «страшных слухов» там не было. Все знали, к чему готовиться.

Ввиду отказа штаба округа вести работу под контролем Военно-революционного комитета, во все части Питерского гарнизона были отправлены комиссары комитета, встреченные в казармах ликованием. В них солдаты увидели уже прямых вожаков восстания, причем настроение в войсках было таково, что комиссарам, присланным для того, чтобы подготовить части гарнизона к восстанию, не давали даже высказываться.

«Все ясно, нечего говорить... Ведите и больше никаких,—кричали солдаты.—Довольно уж натерпелись».

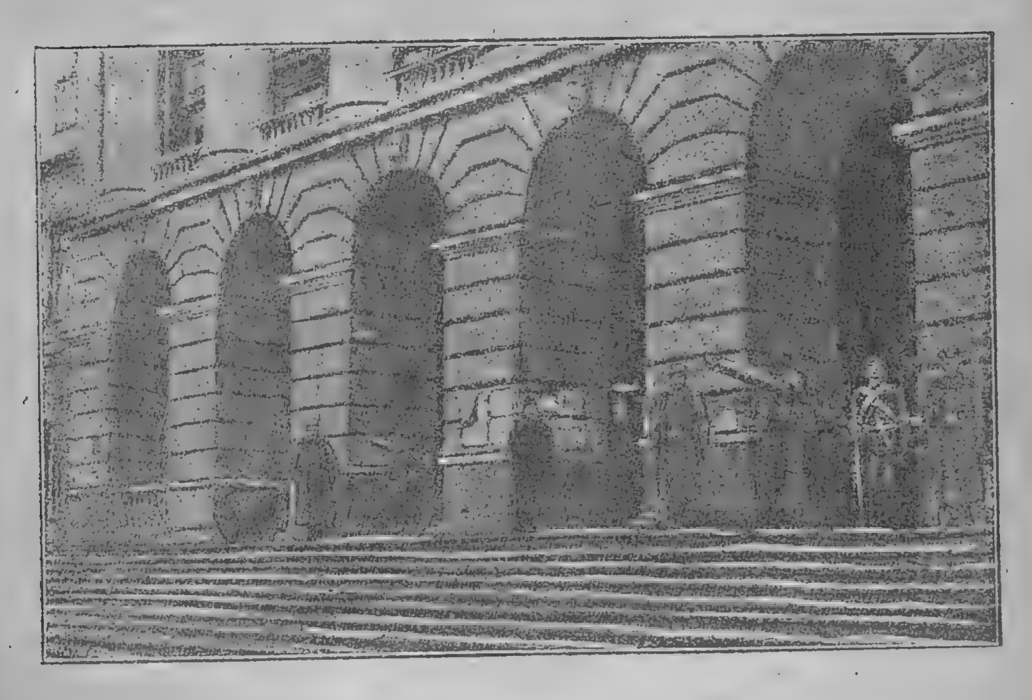
«Скоро ли? Когда же наконец? В чем задержка?»—только эти вопросы и волновали солдатские массы.

Было ясно, что ни одно приказание штаба округа не будет исполнено. Однако штаб сделал еще попытку удержать власть в своих руках. Командующий войсками отдал приказ: 1) всех комиссаров Петроградского совета в частях отстранять и 2) о всех их незаконных действиях донести мне с указанием фамилий комиссаров. Но этого приказания некому было исполнять.

Не рассчитывая и сам, что это приказание будет выполнено, штаб начал стягивать в Питер части, которые считались надежными: юнкеров и ударников из всех питерских училищ, из Ораниенбаума, из Гатчины, из Павловска.

Военно-революционный комитет тоже работал непрерывно. Неотдыхавшие ни днем ни ночью члены его, поставили на ноги все революционные силы столицы и ее окрестностей. Красная гвардия находилась под ружьем, и фабрики и заводы превратились в лагери. Были вызваны из Кронштадта и Гельсингфорса балтийские моряки, крейсера «Аврора» и «Заря свободы», стоявшие в Питере, изготовились к бою. Весь огромный город был взят под наблюдение. По улицам ходили патрули, дежурили броневики. Отряды красногвардейцев, ранее полков приведенные в боевую готовность, заняли все важнейшие места около тех пунктов, которые по плану и указаниям Владимира Ильича предполагалось захватить в первую очередь и взяли под охрану заводы и Смольный институт, где заседал Военно-революционный комитет и куда теперь съезжались со всех концов России депутаты II Съезда советов, открытие которого было назначено на 25 октября. Все окружные и артиллерийские склады были поручены наблюдению большевистских ячеек этих складов. Ячейки немедленно встали под

ружье. Контроль над выездом и въездом в Питер находился в руках Военно-революционного комитета. Были приняты меры против мобилизации контрреволюционных сил под видом митингов, собраний и т. д. Сам Смольный превратился в крепость. У входа

„Смольный" в Октябрьские дни.

да в здание стояли пулеметы и пушки. Впереди них было навалено огромное количество дров, которые должны были служить прикрытием в случае штурма. Коридоры и залы института были полны народом, вооруженными матросами и красногвардейцами, которые втечение нескольких дней тут же и

ели и спали, где попало. В небольшой комнате, где заседал Военно-революционный комитет, нельзя было протолкнуться. Здесь постоянно двигалась людская волна: шли за распоряжениями, за советами, за мандатами, за деньгами, за оружием. Красноглазые от бессоницы тт. Подвойский и Антонов-Овсеенко старались удовлетворить все и ухитрялись в то же время вести деловую работу. Сюда же был вызван и работал и штаб Красной гвардии. Все руководство восстанием было таким образом сосредоточено в одном месте, из которого шла связь со всеми частями.

Но в то время, как две стороны—революционная и контрреволюционная—деятельно готовились к борьбе, соглашатели в Центральном исполнительном комитете продолжали говорить и говорить, выносить резолюции, порицания большевикам, призывать пролетариат к спокойствию и т. д., как будто ничего особенного не происходило.

В ночь с 23 на 24 октября, стянув в Питер части, которые казались наиболее надежными, правительство почувствовало себя достаточно сильным и перешло в наступление. Этой ночью юнкерами были закрыты большевистские газеты «Солдат» и «Рабочий путь». Далее, последовало распоряжение останавливать и направлять в штаб все автомобили, развести мосты через Неву, чтобы затруднить сообщение районов между собой. Зим-

ний дворец, где заседало Временное правительство, был занят юнкерами нескольких училищ, батальоном женщин-ударниц. На площадь перед дворцом были стянуты английские броневики с английской же прислугой. Дворец приготовился к осаде.

Юнкера в Зимнем дворце.

В ночь на 25 октября уже начались столкновения между войсками Военно-революционного комитета и юнкерами около мостов, от которых юнкера были оттеснены, а с утра началось движение на Зимний дворец. В наступление было решено направить наиболее стойкие части: Красную гвардию, моряков, Егерский и Измайловский полки. Финляндский и 180-й полки должны были удержи-

вать в своих руках все переправы через Неву. Московскому и гренадерскому полкам было поручено выдвинуться к Белоострову на тот случай, если бы правительству удалось притянуть на свою защиту какие-либо части из Финляндии. На случай появления таких же частей по Варшавской и Балтийской дорогам и по Нарвскому шоссе были выставлены части Петроградского полка и 6-го саперного батальона. Части Литовского и Волынского полков расположились по улицам, прилегающим к Смольному, где находился штаб восстания, где готовилось открытие II Съезда советов и где находился т. Ленин, прибывший из своего убежища и теперь на деле руководивший восстанием, подбадривая всех и всем давая ценнейшие указания. На случай потери связи наступающих со Смольным, чтобы не было перерыва в руководстве восстанием, часть Военно-революционного комитета, после того, как все подробности восстания были решены, поместилась в Петропавловской крепости, а несколько ответственных работников поместились еще в казармах Павловского полка. Утром на рассвете 25 октября наступление на Зимний дворец началось.

Цепи с каждым часом все ближе и ближе подходили к площади Зимнего дворца и, стягиваясь по мере приближения, становились гуще. К 6 часам вечера Зимний был уже окружен со всех сторон; все подходы к нему

были прочно закупорены. Солдаты и матросы перебежками под огнем заняли те пункты, с которых можно было броситься на штурм. Юнкера, укрывшись за штабелями дров у дворцовых ворот, зорко следили за движением головных частей и всякое передвижение их встречали ружейным и пулеметным огнем. В резервах солдаты собирались около зажженых костров и ругались от нетерпения. Они беспрерывно требовали объяснений, почему не начинается решительный штурм, требовали движения без остановок. Но революция не хотела крови, а потому перед самым моментом штурма решено было послать в Зимний дворец парламентеров (переговорщиков) с предложением сдаться.

Мучительно потекли минуты. Застыли на своих местах матросы и солдаты в тягостном ожидании. Ворчали: «Вот и большевики начали дипломатию разводить». А в Смольном уже собравшийся и ожидавший открытия Съезд ждал падения последнего оплота правительства. Тов. Ленин слал руководителям наступления записку за запиской, требуя объяснений по случаю задержки. Был уже глубокий вечер. Тьма.

Разнеслись слухи, что парламентеры расстреляны во дворце. Прошло несколько мгновений общего возмущения, а затем через минуту с Петропавловской крепости, как было условлено, и с крейсера «Аврора» ряв-

кнули пушки. С визгом пронеслись через головы гранаты и шрапнель, отбивая у дворца карнизы. С громкими криками, в ночной темноте, озаренные затуманенным светом, рванулись цепи красногвардейцев, моряков и солдат к дворцу. Момент боя у штабелей дров под трескотню пулеметов был весьма короток. А затем торжествующие крики раздались уже во дворце, в его парадных прихожих, на лестницах.

Часть за частью сдавались защитники дворца. Пред комнатой, где заседало Временное правительство, окаменевшие от страха юнкера-часовые. Их отталкивают, распахивают двери, и через момент уже грозные крики:

«Смерть палачам... Смерть убийцам...»

Неистовствовали главным образом солдаты. Спокойные, сдержанные красногвардейцы унимали их, и под красногвардейской охраной благополучно удалось переправить арестованных министров в Петропавловскую крепость. Временное правительство перестало существовать. Все было кончено. Из победы сверкал новый строй и новая—рабоче-крестьянская власть.

24 коп.

~~26~~ 25

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 1 91-49, 5-71-37, 5-04-56, ЛЕНИНГРАД, „Дом Книги", Проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18

И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР

Специальные Отделы Военной Литературы, снабженные полным ассортиментом уставов и наставлений РККА и всех изданий других военных издательств, организованы:

В МОСКВЕ —	Никольская, 1/3.	Магазин № 4
„	Арбат, 21.	„ № 14
„	Тверская, 28.	„ № 1
В ЛЕНИНГРАДЕ —	Пр. 25 Октября, 28.	„ № 1
В РОСТОВЕ Н/ДОНУ —	Ул. Энгельса.	„ № 4

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ",
ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ",
а в пределах УССР ХАРЬКОВ, ГОСИЗДАТ
РСФСР „КНИГА ПОЧТОЙ", ул. Свердлова, 14,

высылают немедленно по получении заказа книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке.

Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до одного рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

Исполнение заказов быстрое и аккуратное. Каталоги, проспекты и бюллетени высылаются по требованию бесплатно.